

Александр Снегирёв

18+

ПЛОХАЯ
ЖЕНА
ХОРОШЕГО
МУЖА

Классное чтение

Александр Снегирёв

Плохая жена хорошего мужа

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Снегирёв А.

Плохая жена хорошего мужа / А. Снегирёв — «Издательство АСТ», 2021 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-137234-7

Сегодняшние сорокалетние, по сути, и есть Россия: они пережили четыре феноменальных десятилетия, а сейчас плотно срослись с новым временем. Александр Снегирёв (лауреат «Русского Букера» за роман «Вера») – один из ярких прозаиков этого поколения. Темы нового сборника «Плохая жена хорошего мужа» – извечные отношения полов, поиск себя, одиночество, душевная дистанция между людьми. Но контекст, сам воздух книги предельно современны, а герои полны скептицизма и самоиронии. Драмы – почти чеховские, трагедии – почти античные, а время – 2021-й. Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-137234-7

© Снегирёв А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Каждый трансгендер желает знать...	6
Где не достанет рука	8
Тонкая тень над верхней губой	29
Нас ждёт маковый рулет	35
Отчётливое желание	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Снегирёв

Плохая жена хорошего мужа (рассказы)

Фото автора на переплёте – Олег Зотов, стилист – Катя Бобкова

© Снегирёв А.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

«В тексте Снегирёва много раз может встретиться какой-нибудь очередной «тачскрин», но ни разу винтажное слово «любовь». При том что в центре почти каждой истории все те же мужчина и женщина».

Евгений Бунимович

Каждый цисгендер желает знать...

Авторство хрестоматийного замечания о том, что в России за десять лет меняется всё, а за двести лет ничего, приписывают многим – от Столыпина до Салтыкова-Щедрина. Никто не знает, кто высказался первым, да это и не так важно. Общее место. Реальность, данная нам в ощущении. В таких изначальных обстоятельствах жизнь отдельного человека обретает ту же безнадежную цикличность. Разница разве что в иных временных масштабах: за день в жизни человека меняется всё, а за месяц – ничего.

Чего только не происходит за день с каждым персонажем рассказов Александра Снегирёва! Разбитые вдребезги машины, лица и судьбы, ещё измены, предательства, а ближе к вечеру – и отчаянные попытки суицида... Но это всё никак не отменяет обязательные селфи в ванной, а также запланированные на следующий день, вписанные в гугл-календарь со звуковым напоминанием фитнес, йогу, отбеливание зубов или «подкалывание филлеров по контуру губ» – что бы это ни значило. К концу рассказа зачастую возникает подозрение, что эксцентрика жён, мужей, любовников, любовниц, битые посуды, трагические заламывания рук, всё вплоть до оргазмов и попыток демонстративного недосуицида – точно так же заранее запланировано и вбито в смартфон, внесено в расписание.

Нет, тут я случайно обмолвился: конечно же, не в допотопное расписание, а в «скеджувал» – так непременно напишет автор, в рассказах которого ультрамодный сленг не выпирает как чужеродное тело, а естественно и даже необходимо вписан в ткань повествования, вплоть до самых спорных феминитивов и неизбежных зум-конференций, мгновенно завоевавших наш пандемический мир.

Снегирёв любит и умеет быть точным, легко и увлекательно рассказать историю, удивить неожиданной метафорой, фразой редкой пластичности, не брезгуя при этом использованием рискованных приёмов, включая самые попсовые и глянцевого. Он может заставить нас следить за вроде бы неважным застольным разговором, незначительным поворотом сюжета. Следишь – сам не знаешь почему.

Пока ведутся эти мелкие, необязательные разговоры, где-то журналистка в отчаянье идёт на самоожжение, где-то человек погибает на строительных лесах – практически в прямом эфире... Это проходит вроде бы по касательной, кажется, что почти совсем не затрагивает героев, но почему же атмосфера такая, что, как говорится, то ли чаю выпить, то ли повеситься?

В тексте много раз может встретиться какой-нибудь очередной «тачскрин», но ни разу – винтажное слово «любовь». Притом что в центре почти каждой истории – мужчина и женщина, семейная пара. Цисгендеры, как тут же уточняет автор. Не столь осведомленный в современном гендерном дискурсе читатель может воспользоваться «Википедией», чтобы узнать, что «этим термином обозначают людей, чья гендерная идентичность совпадает с приписанным при рождении полом». То есть вроде бы это всё те же мужчина и женщина.

Те же, да не те.

В описании интимных отношений этих семейных пар, этих цисгендеров Снегирёв нередко использует всё ещё непривычную для русской литературы физиологичность, и именно эти моменты лишённой всякой эротики откровенной регистрации дежурных совокуплений становятся моментами крайнего отчуждения, отчаянного одиночества каждого такого цисгендера, безнадежного одиночества вдвоём.

Движешься от рассказа к рассказу, от сюжета к сюжету, от истории к истории, и в какой-то момент вдруг замечаешь, что автор перестает прятаться за своими героями, вызывающими одновременно брезгливость и сочувствие, и на первый план выходит даже не альтер эго автора, как это принято и дозволено в литературе, а просто он сам, автор, человек – со всеми своими

слабостями, комплексами, недореализованностью и фобиями представителя поколения сорокалетних. Жёсткая ирония здесь сменяется столь же жёсткой самоиронией.

Конечно, читателю хочется хотя бы намёка на выход, на свет в конце туннеля. Ну хоть на лучик надежды, полоску света под запертой дверью. При желании можно и это обнаружить в рассказах Александра Снегирёва, но, может, надежда теплится в самом отчаянии? в осмыслении и осознании масштабов бедствия? в честности и точности взгляда на себя и на мир вокруг?

Видит бог, это немало.

Евгений Бунимович

Где не достанет рука

1

Для чего придуманы лампочки с холодным белым светом?

Для нацистских лабораторий, для допросных камер?

Кому пришло в голову вкручивать такие лампочки в люстры книжных магазинов? Посетители этих странных мест, назначение которых с каждым годом становится всё менее понятным, и без того чувствуют себя изгоями, зачем угнетать их сильнее?

Опустив глаза, стараясь впустить в себя как можно меньше белых пыточных лучей, я прохожу мимо полок. Когда выпустили мою первую повесть, в любом книжном я сразу отправлялся искать её, теперь даже не смотрю на буквы алфавитного указателя.

В конце торгового зала расставлены стулья: один спинкой к стене, остальные, расположенные в четыре ряда, обращены к нему, что называется, лицом.

Испытываю радость – стулья все до единого пусты. Если никто не явится, встречу с читателями можно будет отменить.

Можно будет вернуться домой, смотреть телевизионную передачу о путешествиях по экзотическим странам или листать без всякой пользы фейсбук.

Согласившись на эту встречу, я поступил торопливо, решив по старой памяти, что в подобных встречах заключается моя писательская обязанность перед издательством. Долг чести. Такие слова принято выделять курсивом.

Пока я размышляю о курсиве, меня окликают.

– Здравствуйте, Сергей, – доносится из-за спины.

Если моё имя путают, то непременно называют Сергеем.

Как будто сговорились.

Мама хотела назвать меня Сергеем, но уступила мнению отца. Судя по всему, её желание было столь велико, что Сергей надо мной буквально витает. И во лбу горит, и на затылке светится.

Я обернулся.

Так и есть, опять я Сергей. Окликает меня девушка лет тридцати с небольшим, а может, постарше или помоложе. Я разучился определять возраст. Только одно могу сказать точно – губы у неё шикарные.

Девушка извиняется, что перепутала моё имя, хоть я её и не поправил. Она говорит, что работает в издательстве и приехала провести мою встречу с читателями. Промодерировать.

Всё это она проделывает при помощи своих красивых губ.

Я улыбаюсь и делаю гримасу относительно того, что никаких читателей нет и, судя по всему, не будет. Я чувствую себя беззаботно, искренне, как мне кажется, радуюсь шансу свалить, но вдруг ощущаю каплю пота, сбегавшую по телу. Своим щекотанием капля сообщает, что вот только не надо притворяться.

– Главное – видеоотчёт, – произносит девушка и прилаживает к своему телефону маленький штатив.

– Если минут через десять никто не явится, предлагаю по домам, – говорю я, стараясь звучать вальяжно.

– Не имеем права, – отвечает девушка, проверяя, надёжно ли телефон держится в зажиме. Таким тоном говорят менты, когда им предлагаешь выпить. Она бы ещё добавила: «Я на службе».

– Ну, не будем же мы выступать перед пустыми стульями, – говорю я, употребив «мы» специально, чтобы она чувствовала сопричастность и не заподозрила меня в капризах.

Она втыкает в розетку электрический шнур – кольцо, обрамляющее зажим с телефоном, зажигается ярким белым нимбом. Смартфон с нимбом – лучшая иллюстрация эпохи.

– Вы собираетесь сидеть или стоять?

– Будет довольно странно, если я стану разговаривать с пустыми стульями, и не важно, как я это буду делать, сидя или стоя.

Поняв, что никакое «мы» на неё не действует, я решаю отстаивать только собственные интересы.

– Сергей... Простите... вы будете выступать не перед пустыми стульями, а перед зрителями нашего ютуб-канала.

Догадавшись, что продолжать упираться бессмысленно и отвертеться не получится, я принимаю свою участь. То есть никуда не уйду, а на лице изображаю немного отрешённую улыбку, свойственную знаменитостям, которые принадлежат не себе, а своему искусству.

Вот уж где точно уместен курсив.

– Сидя или стоя? – повторяет вопрос девушка.

– Сидя, – отвечаю я как бы издалека, из своего внутреннего мира.

– Тогда начинаем.

Я сажусь на тот самый одинокий стул, смотрю перед собой. Ситуация любопытная. Меня припёрли к стенке, отрезав путь к бегству, не гвардейцы с дубинками, не чечены с ножами, а четыре ряда пустых стульев. Четыре ряда пустых стульев выстроились боевым порядком, и холодный нимб уставился прямо в лицо.

XXX

– Добрый день, Сергей!.. – жизнерадостно воскликнула девушка. – ...Ой, извините, вырежем... скажите, как вы представляете вашего читателя?

Поднимаю глаза на нимб, шурюсь.
На видео этот близорукий прищур придаст мне мужественности.
Смотрю на пустые стулья перед собой.

– Мои читатели – обычные люди...
– Вы могли бы говорить в микрофон? – просит девушка.
– Мои читатели – простые люди, – повторяю я, поднеся микрофон ко рту. – Их не всегда заметишь, они не бросаются в глаза.

Собеседница деликатно ждёт, но, видя, что рассуждения про читателей завершились, задаёт следующий вопрос:

– Как вы думаете... – Она запнулась, явно собравшись снова произнести «Сергей», но овладела собой и нашла компромисс – не назвала меня никак. – Как вы думаете, зачем люди приходят на встречи с писателями?

Не хочется говорить, что повисла пауза, тем более что ничего не повисло. Но некоторая заминка всё-таки произошла. Не в динамике обмена вопросами и ответами, а на каком-то, простите, энергетическом уровне. Едва я собрался ответить, твёрдо решив не смущаться, как она меня опередила.

– У меня заготовлены вопросы на случай, если гости ничего не спросят...
– Гости и в самом деле попались молчаливые.
– Можем перейти к следующему вопросу.
– Напротив, это интересная тема, не будем её игнорировать.

Вдруг захотелось ей помочь. Не виновата же она, что попался такой непопулярный подопечный. Я решил блеснуть красноречием:

– Люди любят смотреть на тех, кто заперт на арене. Люди трепещут перед силой и наслаждаются чужой слабостью, оставаясь, при этом за ограждениями.

Собеседница меня перебила:

– Давайте я поставлю штатив сюда, а сама буду задавать вопросы как бы из зала.

Она разместила штатив на одном из стульев. Нимб подрагивал, но она его уняла. А сама села во втором ряду.

– Прочитирую высказывание одного вашего читателя, который пишет под ником *Black Mamba 84*.

Я сидел с вытянутыми ногами, но, услышав про читателя с ником, подобрал ноги под стул.

– «Герои его последней книги картонные, а сама коллизия вторична и скучна», – прочитала сотрудница издательства с экрана своего смартфона.
– Интересное размышление, – сказал я, улыбаясь.

Вместе с улыбкой по моему лицу расплзается жар. Не хватает только покраснеть. От этой мысли жар усиливается.

– А вот слова с телеграм-канала «Борода Толстоевского», – продолжает неумолимая сотрудница издательства. – Я пересяду на другой стул, чтобы воссоздать атмосферу интерактивности.

- Будьте добры, – говорю я, хотя мог бы и промолчать.
- «Расползающаяся по швам претенциозная графомания».
- Это тоже по поводу моей последней книги?
- Да.

Теперь я точно покраснел. Критикам, выискивающим изъяны в моём последнем сочинении, было непросто, автор первого разгромного текста, цитата из которого приведена выше, сразу взял такую высокую планку, обрушил на меня такой камнепад, что всем последующим пришлось изрядно попотеть, чтобы хоть как-то соответствовать.

Вокруг пустые стулья, за стульями стеллажи с книгами. Между стеллажами ходы, в ходах чужие физиономии. Похоже на окопы, в которые ворвался неприятель. Всех моих перебили, один я остался, прижался к стенке в тупичке и жду, когда подойдут, в кулаке граната.

Вот бы сейчас превратиться в памятник. Не когда-то потом, к юбилею подвига, а прямо сразу. Стать мраморным изваянием, взирающим с благородным безразличием поверх рутины.

– Как вы относитесь к критике? – спрашивают красивые губы сотрудницы издательства.

Её не проведёшь. Притворился мёртвым, но она штыком пощекотала, и не вытерпел, выдал себя стоном.

- С одной стороны, критика стимулирует писателя к самосовершенствованию, – выдавил я. – С другой, почитайте первые отзывы об «Анне Карениной», вы ужаснётесь.
- Вы сравниваете свой роман с «Анной Карениной»?
- Ну... по крайней мере, новую модель отношений между мужем и женой с тех пор никто, кроме меня, не предложил.

Подошла женщина в платье под змеиную кожу. На её лице то выражение, какое бывает у покупателей в магазинах, когда они видят бесплатную дегустацию в отделе вин или сыров. Они как бы не понимают, что происходит, а на самом деле всё прекрасно понимают и тупо хотят выпить и закусить на халяву, но окружающим и, главное, самим себе зачем-то демонстрируют, будто очень вдруг захотели продегустировать именно вот это, причмокнуть, вникнуть и, кто знает, купить! Потом они хлебнут и пожуют, и что-то произнесут вслух непременно, мол, да, любопытный вкус, танины, нотки, не приобрести ли в самом деле бутылочку-другую, и под этим предлогом опрокинут ещё стаканчик, и ещё несколько оливок подденут зубочисткой, а на предложение купить прямо тут у стойки ответят, что ещё не определились, что надо обдумать, а сами бочком, бочком и в сторону.

– Есть возможность задать вопрос автору! – оживились губы сотрудницы издательства.

Услышав это, женщина смутилась, будто её застукали за поеданием всей тарелки презентационного сыра, что-то буркнула и пошла в сторону.

Отступление женщины сотрудница издательства сопровождала улыбочкой «упс, бывает» и посоветовала мне поимпровизировать.

– Попробуйте поимпровизировать, – сказали губы сотрудницы издательства.

Громкий звук собственного, усиленного микрофоном голоса в пустоте и капли пота, которых после той первой стало существенно больше, – всё это помогло мне в импровизации.

– Вот у вас платье змеиное, – начал я импровизировать вслед уходящей женщине. – А у моей мамы была сумочка из змеиной кожи. Она, мама, а не сумочка, ездила в командировку в хартумский университет в Судане и привезла оттуда сумочку из змеиной кожи. Всякие сувенирные мелочи и сумочку. Потом у неё эту сумочку украли в троллейбусе, а спустя несколько дней какой-то человек принёс её прямо к нам домой. Сказал, нашёл на улице и по паспорту определил адрес. Денег в сумочке не оказалось, а документы были целы. Паспорт, проездной, пропуск на работу. Сейчас в Судане война и русские наёмники, а сумочка и по сей день цела – лежит на антресолях.

Мой голос звучит на весь магазин, вдали среди полок показались лица любопытных, женщина в чешуе обернулась.

– Когда я пришёл сюда и не увидел никого, то решил сбежать, – продолжил я свою импровизацию. – С самого начала я жалел, что согласился на эту встречу и обрадовался возможности её отменить. Но издательству требуется видеоотчёт, издательство верит, что видеоотчёт подстегнёт продажи моей новой, второй книги, мнения о которой только что были громогласно озвучены. И вот я стараюсь держать лицо и быть при этом остроумным и содержательным, пытаюсь импровизировать, пытаюсь соблазнить вас на покупку моей второй книги, которая должна была стать лучше первой, пытаюсь сделать так, чтобы пустота заполнилась вашими интересными вопросами, вашими добрыми улыбками и вашими деньгами. Я не особо известный писатель, но про меня можно найти немало ярких цитат, моя собеседница привела лишь две, а я добавлю ещё одну. Одна критик... Никто не знает феминитива для слова «критик»?

Я огляделся, несколько зевак осмелились приблизиться. Так прохожие реагируют на драку или на акт самосожжения: держатся на расстоянии, но наблюдают с любопытством.

– Короче, одна девушка-критик написала мне личное сообщение. Написала, что моя книга не удалась, что надежды на славу рухнули и мне теперь ничего не остаётся, разве что лизать сапоги книжным боссам. Среди вас случайно нет книжных боссов, дорогие друзья?..

– В принципе, план мы выполнили, – вмешались губы сотрудницы издательства. – Уже есть из чего нарезать, давайте микрофон.

Я пожимаю плечами, показывая тем самым, что прерываю выступление не по своей воле. Отдаю микрофон, который скользит во взмокшей руке, как член во время дочки с лубрикантом. Она берёт микрофон всей ладонью. Умело отключив звук, она выдёргивает шнур из розетки, нимб гаснет.

Шепчущиеся зеваки начинают расходиться. Я сажу, свесив руки между коленей, как боец-андердог, только что убивший противника случайным ударом.

– Можно книжку подписать? – доносится со стороны.

Надо мной стоит высокий парень.

– Да, – отвечаю я, подумав, что не зря нагородил столько чепухи.

Я вытираю руки о колени.

Парень протягивает книжку.

Это книжка другого писателя.

– Вы не перепутали?

– Понимаю, что странно, – отвечает парень, нисколько не смутившись. – Просто меня девушка просила именно эту книжку купить, я пришёл, а тут вы. Я вас не знаю, без обид, но решил заодно взять автограф. Какая разница?! – Парень подмигнул по-свойски. – Никто не заметит.

Я вывожу в чужом бестселлере свою загогулину, ладонь всё-таки оставляет на странице пятно.

– У вас лоб совсем мокрый, – говорит сотрудница издательства своими красивыми губами и вытирает мой мокрый лоб влажной салфеткой.

2

Счёта я не вёл, но сколько-то там дней или даже недель миновало. Достаточно, чтобы смонтировать видос из магазина. Не то чтобы я сгорал от нетерпения, но... Прошло ещё сколько-то дней, и я обнаружил в ящике сообщение со стандартным в таких случаях текстом: было много внеочередных дел и тому подобное. К сообщению прилагалось архивированное видео.

Смотреть я не стал. Мне её вопросов хватило. Но написал: «Спасибо, класс». Всё-таки поработала. Старалась или нет, не знаю, но время потратила. Искала всю эту гадость, выписывала, чтобы зачитать публично. После слова «класс» я поставил восклицательный знак, но, подумав, стёр.

Отправив сообщение, я задержал взгляд на её аватарке. Стукнул по её лицу пальцами. Лицо увеличилось.

Красивые губы.

Сомкнув большой и указательный, я прикладываю их к её губам и раздвигаю.

Губы увеличиваются до размытых неясных пятен во весь экран.

Я отпускаю их, и они, вместе со всем её лицом, отстраняются от меня.

– Пообедаем? – написал я.

XXX

Явившись заранее, я обнаружил, что зал кафе напоминает снаряжённый, но покинутый реду: накрытые столы составляют букву П, поперечная перекладина украшена портретом пожилого мужчины. Портрет обрамлен графинами с морсом и бутылками с водкой. Я спросил официанта, что происходит, и получил закономерный ответ – поминки. С минуты на минуту в кафе, где должна состояться моя встреча с той самой сотрудницей издательства, придут скорбящие. Кафе, однако, не закрывается, и, если нас не смущает соседство с траурной трапезой, можем сесть возле стойки.

Ну а что? Поминки на первом свидании обеспечат необычность происходящего. От такого не отказываются.

Стойка отделана розовыми, светящимися изнутри, грубо обтёсанными кирпичами.

– Что это за камень у вас такой красивый? – спрашиваю бармена.

– Каменная гималайская соль.

Я лизнул палец, провёл по кирпичу и лизнул снова.

Непонятно.

XXX

– Это что? – спросила она вместо приветствия, имея в виду накрытые столы.

Свои красивые губы она намазала блеском.

– Поминки.

Прямо перед ней в кафе прибыла целая орава пожилых мужчин и женщин. Они взялись за еду и напитки столь рьяно, что сомнений не осталось – похороны пробудили в них изрядный аппетит.

– Напитки могу предложить? – встрял официант.

Расположение у барной стойки имело свои плюсы и минусы: официант постоянно вертелся рядом, но его назойливость быстро начала утомлять.

– Что они пьют такое красное?

– Морс, – ответил официант.

– Мне морс, – говорит она.

– Мне тоже, – поддакиваю я.

– Покушать попозже закажете? – не отстаёт официант.

– Попозже, – подтверждаю я, обрадовавшись, что моя спутница не кривится от плебейского слова «покушать». Я даже благодарен ей за эту лингвистическую терпимость.

– Я пойду, – сообщает официант.

– Идите, – говорит она.

– Я хочу тебя поцеловать, – говорю я.

– Плохой подкат, – говорит она.

Её губы оказались хороши не только со стороны. Губы, говорившие про меня всякую дрянь в том книжном. Целуя эти губы, я подчиняю их, побеждаю дрянные слова, побеждаю тех, кому слова принадлежат.

- Думаешь, прилично сосаться, когда у людей горе? – спрашивает она.
- Не очень-то похоже, что они убиваются.

Скорбящие наворачивают горячее. Прожорливость они перемежают глотками бухла под словечко «помянем», женщины вздыхают, мужчины кричат.

Мои доводы кажутся ей убедительными, мы целуемся, пока нас не отвлекает официант – он принёс морс.

XXX

Всё это напоминает обряд группового причастия. Только вместо крови и плоти Христовой морс и охотничьи сосиски, а сам предмет культа вот он – старый хрыч с портрета.

– Не переживай, это нормально, – говорит моя собеседница, терзая вилкой и ножом сочащуюся жиром, всю будто в гнойниках и коросте жареную сосиску.

Я так поражён тем, как она, отрезав кусок, отправляет его в рот, что не могу сосредоточиться на её словах.

- На встречи с писателями всегда плохо ходят, – продолжает она, проглотив.

Её губы блестят.

Я знаю, эти слова – ложь, но я благодарен, что она хотя бы не добавила «за исключением звёзд». Не противопоставила меня авторам бестселлеров, к которым выстраиваются часовые очереди.

Подписать книжку.

Не чужую, разумеется.

Одновременно я всё ещё зол за то, что она публично унизила меня. Она волнует меня, и одновременно мне хочется отомстить.

– Ты, это, не подведи, – говорит один разомлевший от еды и выпивки боров другому борову.

Оба сидят близко к нам, в торце одной из вертикальных опор буквы П.

- Не подведу, – отвечает боров. – Не подведу папу.

Оба выжирают по рюмочке.

Этот краткий подслушанный диалог, с одной стороны, помогает мне отвлечься, с другой – сообщает, что один из говорящих приходится усопшему сыном.

Здоровый кабан, поросший волосом и шерстью, пиджак свой с плечиками снял, рубашку расстегнул, на лбу испарина, глаза тупые, и это чудище называется сыном?

Где белая растрёпанная макушка, где тонкая загорелая шея? Одни щёки чего стоят, мясистые бурые щёки, за которые постоянно заливают водку и запихивают еду. И это называется сыном? Какая мерзость.

– Я тогда с вопросами не пережала, в книжном магазине? – спрашивает она, жуя.

– Нисколько... – отвечаю я. – Главное – привлечь читателей, и нам (я снова употребил «мы») это удалось.

Она внимательно смотрит на меня и складывает свои красивые губы особенно привлекательным образом.

– Не переживай.

Я решаю не пытаться убедить её в том, что не переживаю. Начни я спорить, она точно решит, что я на грани.

XXX

Не знаю почему, из-за еды, духоты, из-за близости поминок или поцелуи её вдохновили, а может, просто из-за женской болтливости, моя собеседница принялась говорить о разных, в том числе и совершенно посторонних вещах. Женщины так умеют, возьмут вдруг и давай тараторить о второстепенных новостях, каких-то неизвестных людях, о чём угодно, сообщая между делом вещи весьма интимные.

Самой примечательной мне показалась история про то, как в юности она мечтала получить букет. Старания её долго оставались тщетными, но вот у неё появился парень, который, само собой, принялся назначать ей свидания, приглашал в парк, в кино и в кафе (в зависимости от погодных условий и собственного финансового положения), но цветов почему-то не дарил. Она на него возлагала надежды, а он тупил. Решив взять дело в свои руки, она ему сказала прямым текстом, и в следующий раз видит – сидит её парень у подъезда, её поджидает, а в руках букет. Точнее, не букет, а пучок стеблей, зато изо рта лепестки тюльпанные торчат, он как раз последний бутон дожёвывал.

Оказалось, у того парня тоже была мечта – попробовать гидру. И надо же было такому случиться, что возможность представилась аккурат перед свиданием, к которому он подготовился, то есть был при букете. Шанс – штука прихотливая, упускать нельзя. Он всего три тяги сделал и к ней. Добрался благополучно, но тут, как водится, проснулся аппетит. И вообще, эти тюльпаны такие плотные, такие бархатистые, упругие, хоть и горьковатые.

Увлекательная история, что и говорить. Мне захотелось достойно отплатить за такое откровение, и я сказал, что розовые кирпичи барной стойки, перед которой мы устроились, представляют собой блоки окаменелой соли.

– Ты пробовал? – спросила она.

– Да, – ответил я.

– Попробуй ещё раз.

Я лизнул палец, провёл по кирпичам...

– Не так, языком, – сказала она.

Я слез со стула, склонился и лизнул розовый кирпич.

– Ну как? – спросила она.

– Непонятно, – ответил я.

3

Встречи наши сделались регулярными и перенеслись в мою квартиру. В первый раз она отметила, что у меня приятный цвет стен, а я снял с неё свитер. В другие разы всё было примерно так же. Я старался проявлять чуткость и не торопиться. Тем более она успела поделиться со мной горьким опытом взаимодействия с торопливыми и даже грубыми мужчинами, снабдила меня целым списком собственных горестных разочарований (история с обглоданным букетом оказалась бусинкой в длиннющем ожерелье). Будучи и торопливым, и грубым, я, разумеется, решил всех этих говнюков обскакать.

Стараясь действовать добросовестно, я задумывался и порой забывался. Очень скоро она даже попеняла на мою некомпетентность – вместо клитора я лизал то, что она назвала лобковой костью.

В своё оправдание могу сказать, что сосала она аккуратнo, как отличница, которая старается, но совершенно не понимает, зачем это нужно. Верхом ужаса для неё была эякуляция в рот. Предвосхищая мои поползновения в этой области, она в красках припомнила один ужасающий случай, когда мужчина принудил её к подобному, что нанесло ей непоправимую психологическую травму. Услышав это, я поневоле сжалился над поруганной бедняжкой, не желая ненароком ранить её повторно, хоть испытывал серьёзное желание овладеть её наговорившими мне столько гадостей чумовыми губами. Борясь с собой, я старался держать собственный хуй подальше от её рта, и это ограничение, разумеется, не прибавляло мне пыла.

Помаявшись таким образом некоторое время, мы наконец кончали. Точнее, я кончал, а она, как говорится, просто получала удовольствие. Посмотрев на часы, она обычно сообщала мне, чтоб я прекращал усердствовать, а трахал её так, как считаю нужным. Оживившись, я трахал её так, как считал нужным, в результате чего я кончал, а она «получала удовольствие».

Подстёгиваемый желанием её раскатать, победить её скептицизм, победить повторённые через магазинные звукоусилители разгромные слова, я назначаю всё новые свидания.

Встречаемся мы в дневное время – она замужем, у неё сынок во втором классе. Сексуального наслаждения муж не дарит, взаимопонимания нет, брак не расторгают ради сына, которым прикрывают жилищный вопрос.

Я продолжаю стараться. Вот тебе за картонных персонажей, за расплзающуюся претенциозную графоманию, вот, вот, вот...

Торжество, однако, постоянно срывается. Каждый раз случается какая-нибудь заминка, и вместо упоения победой я вынужден довольствоваться снисходительной, понимающей улыбкой.

Ласковой и немного жалостливой.

Бедный мальчик. Старается, но таланта бог не дал.

Претенциозно и картонно.

Ни судорог, ни вскриков, ни прочих неконтролируемых реакций бьющегося в оргазме тела. Только улыбка, утешающая меня за вновь и вновь повторяющуюся неудачу, как бы намекающая, что очень скоро я не только не отстою свою честь, но, напротив, достигну полного бессилия.

XXX

В то время часто стало звучать имя одного нового писателя, все на нём буквально помешались, а я мрачно наблюдал за триумфом незваного выскочки. Сначала одна авторитетная дамочка отозвалась о нём туманно, но одобчительно. Какие-то там мировые тренды ей почудились в его книжках. За ней другая, не желающая отставать, подоспела с рецензией куда более пышной и развёрнутой, после чего уже все ломанулись соревноваться в восторгах.

Гадая, что ими всеми руководит, страх отбиться от стаи и показаться не комильфо или просто желание отметиться, я отыскал его книжку на пиратском сайте, принялся читать и обнаружил с удовлетворением ряд недочётов, хмыкнув про себя, что сам никогда не допустил бы подобного. Вместе с этим я вынужден был признать, что книжка в целом хорошая, а местами даже классная, а восторги пусть преувеличены, но не беспочвенны.

И что бы вы думали?

В нашу следующую встречу она похвасталась, что познакомилась с этим писателем, он очень мил и вообще сущий душка. Одарив меня после моих стараний дежурной улыбочкой, она посоветовала прочитать его книжку.

С того дня она взяла за правило то и дело сообщать мне об этом славном мастере пера, о том, какой он образованный, человечный, внимательный. Как-то раз она сообщила, что предложила ему заняться любовью, а он отказался.

Выставил её вон.

Его отказ она трактовала как вершину благородства – просто этот гений пера и духа не желает изменять жене. Он недоступен, он недостижимая вершина, не чета мне, я, как огнетушитель, всегда под рукой. Не идеал, но какой есть.

В тот момент следовало бы мужественно промолчать и навсегда прекратить эту нелепую связь, но пресловутое желание довести дело до конца, помноженное на стократно усилившуюся страсть отомстить, не позволили мне отступить. О несчастный, недаром мудрецы говорят, что некоторые дела лучше не заканчивать.

Взвинченный всей этой глупой, но въедливой ахинеей, я хорохорился, бодрился, изображал интерес, старался не комкать предварительные ласки, давился клитором, изображал эмпатию и в конце концов срывался и грубо имел её. Однажды, под воздействием некоего подо-

бия эмоционального порыва, я назвал её сучкой. Это вылилось в целую драму со множеством нравоучительных тезисов о том, что гнусное словечко нанесло ей травму, нарисовав в её чувствительном воображении картину абьюза. Тот, другой писатель, даром что женатый, никогда бы себе такого не позволил. Дабы успокоить бедняжку, я принялся лизать. Эпизод с барной стойкой на первом свидании оказался пророческим – я лизал и лизал, зализывая не столько её нечувствительность, сколько незаживающую рану собственного самолюбия.

XXX

Мы сидим у меня на кухне.

У нас только что было.

Она с сигаретой, я с чашкой.

В чашке обыкновенный остывший чай, но на меня вдруг находит. Я говорю, что иногда хочется, чтобы всё окаменело, превратилось в скульптуры.

– Что именно? – уточняет она, не отрываясь от телефона.

Я обвожу рукой обстановку.

– Вообще всё. Посмотри на холодильник, на его скруглённые углы, на изящные ручки. А газовая плита. Каждый день я люблю совершенством линий и пропорций конфорок, этими дисками и зубчиками, изгибом решётки. Вот, например, ёршик для мытья бутылок, банок и всего, где рука не достанет. Таких ёршиков на планете миллиарды, но представь этот ёршик, увеличенный в сотню раз, и не из проволоки и пластика, а из благородного мрамора. Представь, что такой мраморный ёршик, ёрш, увеличенный в масштабе, лежит на газоне или посреди фонтана, образуя центральный объект площади. Это было бы справедливее дурацких памятников, которые втыкают в каждом сквере. Вещи обрели привилегию, которая до этого принадлежала только людям или животным – привилегия размножаться массово. Право на размножение, но не на равноправие. Массовые предметы служат нам верой и правдой, не требуя ничего взамен, а мы безжалостно избавляемся от них, как только они нам наскучат или состарятся. Наша жизнь без них немыслима, но мы постоянно предаём их. Любая электрическая люстра, любое кресло-качалка совершеннее и надёжнее многих людей. Я бы ставил мраморные памятники стиральным машинам, складным стульям, чайным ложкам. Многие так называемые именитые люди уступают по красоте и уровню влияния любому штопору. Посмотри на кран, точнее на смеситель. Если сделать его увеличенную копию из тех же материалов, создастся ощущение аттракциона, такого добра полно в развлекательных парках, но, если создать его мраморное изваяние, оно будет восприниматься совсем иначе. Это возведёт смеситель в ранг объектов поклонения. Я тебе больше скажу: эти вещи не просто красивы и принципиальны для человека, они и есть человек. В них воплощены все наши желания, слабости и капризы. Все наши потребности и нюансы. Когда человечество погибнет, то по вещам можно будет воссоздать его точный портрет. Наш портрет. Физический, психологический, духовный, какой угодно. Жаль, я не скульптор.

Произнеся всё это, я посмотрел на остывший чай на доньшке.

Она сидит, вцепившись в край стола, глаза закрыты, рот приоткрыт. Её тело бьёт мелкая дрожь.

– Положи мне руку сюда, – говорит она и раздвигает колени.

Я кладу руку, она тотчас сжимает её бёдрами и вскрикивает.

4

Я счёл себя отомщённым, но встречи наши не прекратились. Жажда самоутверждения ввергла меня в эту интрижку, а собственная слабохарактерность не позволяла её прервать – моя эмоционально пробудившаяся любовница посулила замолвить за меня словечко в издательстве. Если в начале нашего знакомства мне казалось, что от карьеры я не зависим, то посулы продвижения и внесения в список перспективных, но недооценённых авторов пробудили во мне дремлющее тщеславие.

Любовного пыла всё это, однако, не прибавило. Её губы и те уже отвращали меня. Наши совокупления превратились в череду актов насилия. Я даже начал молить неведомые силы ниспослать мне импотенцию, но организм продолжал функционировать с подлой исправностью. Говорят, иногда конечности трупов неожиданно сгибаются или распрямляются, подчиняясь механике тела. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы на помощь не пришло (кто бы мог подумать) литературное вдохновение.

XXX

Вопреки нашему энергичному графику я ухитрился работать и успел написать небольшой рассказ. Всё услышанное от сотрудницы издательства отозвалось, как говорят китайцы, в моём сердце. Отозвалось и стало вертеться в голове, не давая покоя, прилаживаясь друг к другу и так и этак. Происходило это помимо моей воли, я лишь наблюдал с удивлением и некоторым трепетом.

Собравшись в нечто цельное, штукавина эта уставилась на меня с немым вопросом. Так смотрят женщины, когда холодильник пуст или когда забеременели. Вздохнув, и не без удовольствия, я взялся за описание этой штукавины.

XXX

Всё началось с того, что её родители увлекались различными воспитательными теориями, которые в итоге свелись к одной – дочь должна уметь развлекать себя самостоятельно. Что и говорить, мы предпочитаем те идеи, которые нам удобны. Любой поиск истины сводится к теоретическому оправданию собственных наклонностей. Вот и её родители, не слишком чадолюбивые люди, нашли оправдание своему нежеланию заниматься дочерью: мать предпочитала курить на кухне, отец писал диссертацию.

Диета в доме была вегетарианской, излишества не приветствовались. К излишествам относились вещи самые разнообразные: второе после овощного супа, дополнительное яблоко после ужина, просмотр телевизора на протяжении более получаса, чёлка, алкогольные напитки во все дни, кроме Нового года, живые цветы... Считалось, по преимуществу отцом, что цветы должны расти, формировать бутоны, распускаться, цвести, а затем вянуть, не покидая естественной среды обитания. Цветы приносят пользу человеческому глазу, а также пчёлам, которые извлекают из них пыльцу, способствуя тем самым опылению растений и производству такого полезного продукта, как мёд. Обрывание цветов, составление букетов, тещащих самолюбие, – всё это нарушает природное равновесие и не идёт на пользу нравственности. Эта отцовская теория сформировала у неё непреодолимое желание получить в подарок шикарный, даже вульгарный, пышный, необъятный букет.

Мечта о букете крепла, ища воплощение в разных, подвластных ей формах. Узнав, что букеты часто дарят музыкантам и артистам, она записалась на уроки скрипки и в театральную студию. Скрипку выбрала потому, что сам инструмент был дешевле фортепьяно. Несмотря на такую рачительность, с помыслами о карьере скрипачки вскоре пришлось попрощаться – мама сказала, что у них нет средств оплачивать школу и приобретать инструменты. Именно во множественном числе, ведь вслед за ребёнком растёт и размер инструмента. Зарплаты отца едва хватает на жизнь, а она вынуждена в поте лица вести домашнее хозяйство. Всё это она торжественно произнесла на кухне, а в конце воткнула докуренную сигарету в переполненную пепельницу. Посмотрев с тоской на пыльный подоконник и липкие пятна на полу, героиня рассказа вздохнула и покорила. Тем более для осуществления мечты с лихвой хватало театрального кружка, за посещение которого плата не взималась.

Она начала делать успехи, научилась запоминать наизусть целые абзацы текста и получила заметную роль в спектакле, который их руководитель собирался поставить на сцене Дома детского творчества, но её триумфу помешали обстоятельства. В театральном кружке разразился скандал. Оказалось, на прошлых каникулах руководитель кружка организовал летнюю школу в лесу. Заявки на участие принимались как от завсегдатаев кружка, так и от сторонних желающих. В программе значилось разыгрывание мистерий у ночного костра, декламация стихов, шарады и действие в древнегреческом стиле на фоне декораций, которыми послужит сама природа. Участников собралось немало.

После возвращения жаждающим родителям был предоставлен видеоотчёт (все помешались на видеоотчётах), содержащий сцены беготни среди ёлок, всполохи пламени и высокопарные фразы, произносимые толстой девочкой с разрисованным лицом и в хламиде.

Спустя некоторое время после того, как родители и участники разошлись с торжественного вечера, начали распространяться слухи, что по ночам руководитель театрального кружка приглашал в свою палатку некоторых девочек, якобы репетировать, а избранным предоставлялась возможность репетировать непосредственно в его спальном мешке. Вроде бы никого не принуждали, а девочки шли из чистого любопытства, известно, что из любопытства женщины способны на многое. Любопытство любопытством, но поднялся шум, некоторые любопытные под давлением взрослых почувствовали разочарование и обнаружили у себя нечто вроде глубокой душевной травмы. Героиня этого рассказа записалась в кружок как раз осенью после шумевшего выезда на природу и не успела вкусить театральной жизни, как лавочку прикрыли. Склонность к античности не довела до добра, а жажда букета снова осталась неутолённой.

На выручку пришло само время – она уже была достаточно взрослой, чтобы обзавестись кавалером, и достаточно привлекательной, чтобы рассчитывать на определённую степень его покладистости. Появление кавалера не заставило себя долго ждать. Их даже было несколько, что привело к ведению действий на два, а то и на три фронта разом, в результате чего выжил сильнейший. За весь период этих чувственных перипетий ни один букет так и не был подарен.

К тому моменту, когда она выбрала путь моногамии, многие запретные прежде вершины были покорены. Яблоки она поедала в тех количествах, в которых считала нужным, телевизор не смотрела вовсе, чёлки носила то короткие, то спадающие на глаза, то косые растрёпанные, то залаченные, как у актрисы из мексиканского сериала. Опытным путём было выяснено, что чёлки действуют на мужчин не хуже, чем мелодия гамельнского дудочника на крыс и детей. Поклонники дарили ей сертификаты в ЦУМ, билеты на модные премьеры, наборы кремов для рук и прочих частей тела, беспроводные наушники, только не букеты. Будучи всё ещё очень юной особой, она начала чувствовать себя жертвой таинственного проклятья, когда прочитала в одном инста-блоге о силе намёка.

Удивившись, насколько был прав Аристотель, который сказал, что известное известно немногим, она во время ближайшей встречи с поклонником неоднократно упомянула о своей любви к живым цветам и о том, что мужчины в последнее время часто недооценивают эти непрактичные, но такие романтические знаки внимания.

Парень попался понятливый и деликатный – выждал несколько дней, а потом звонок от курьера. Она ждала вся на иголках, курьер запаздывал. И вот на пороге деловитый мужчина с бланком.

– Автограф, будьте добры.

В обмен на её росчерк деловитый мужчина вручил ей прекрасную орхидею.

В горшке.

В том инста-блоге, откуда она черпала девичью мудрость, было и про терпение. Выразив благодарность и восторг, она выдержала паузу и снова вернулась к теме цветов. На этот раз она в своих разговорах с бойфрендом была предельно точна, делая акцент на слове «букет». Она подчёркивала, что ей хочется, чтобы ради неё и только ради неё было совершено групповое бессмысленное убийство бессловесных растений. Именно так кровожадно характеризовал любовь к букетам её отец.

Далее в моём рассказе следовала сцена, приведённая выше. Условившись о встрече в парке, она, предчувствуя долгожданное, нарочно томила себя, а когда явилась, нашла своего усердного возлюбленного в состоянии счастливого опьянения и с букетом. Разве что букет был скорее внутри него, чем снаружи.

Завершался мой рассказ тем, что из всего этого героиня извлекла урок – поняла, что в главном на мужчин полагаться нельзя. Но и совсем без них тоже не получается, поэтому за любителя полакомиться цветами она вышла замуж, и теперь они живут себе спокойненько вместе, нервы друг другу не треплют, а она увлечена так называемыми женскими практиками. Правильно дышит, познаёт собственные чакры и прислушивается к собственной же вагине. На своей странице она размещает фотографии южных пейзажей и селфи. Она всегда с содер- жательным лицом и раздвинутыми ногами. Между ног у неё непременно что-нибудь эдакое: половинка папайи или арбуза (привет режиссёру Цай Минляну), ананас, но чаще букет. Каких только букетов у неё там не перебивало: розы, хризантемы, сирень (в сезон, разумеется), но предпочтение она отдаёт тюльпанам. Этот степной, прославленный голландцами цветок прочно обосновался в её промежности.

5

Вдохновлённый такой творческой удачей, пребывая в позабытом состоянии радостного возбуждения, я отправил своё творение на суд прототипу. Позабыв, что буквально вчера только и мечтал избавиться от неё, я потирал руки, не сомневаясь в её удивлении и восторге. Мой

конкурент будет посрамлён, а я, который так блестяще переосмыслил и воплотил пускай живописные, но всё же лишь застольные рассказы, вознесусь на пьедестал.

– У меня болит сердце, – сказали мне её губы. – Ты решил разрушить мою жизнь.

Оказалось, я не просто сочинил рассказ по мотивам её баек, а покушаюсь на всё, что у неё есть, – краду её собственную жизнь, а также жизнь её близких и родных людей.

Нахватал ярких эпизодов, склеил из них пошленькое повествование с шуточками для дебилов и выводами на уровне одноклеточного, и хочу нажиться. Она была со мной откровенна, а я воспользовался.

Как она могла поступить так легкомысленно?!

Разве можно было отдать эти трепетные крупички в мои грубые лапы?!

Что теперь будет?!

Она обворована, муж её оставит, сын отвернётся. Какой жестокий удар!

XXX

Оказалось, я не только обманул девушку, которая мне доверилась, но и в одночасье лишился результатов собственного труда, которые доставили мне столько радости. О публикации этого текста не могло быть и речи. Упоминания больного сердца, которое сжимается от одной только мысли о том, что моё сочинение станет достоянием общественности, слова о похищении её жизни с целью надругательства – всё это не оставляло мне никакого шанса, ведь я благородный человек, **НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА**, что уже не раз доказал в собственной постели.

Здесь курсива мало, нужен капслок.

Хватаясь за соломинку, я попытался увещевать её тем, что не один её муж лакомится букетами, мне известна ещё парочка подобных случаев, да и сам я, чего греха таить, закусил однажды фиолетовой розой. Тысячи девочек мечтали покорить сцену под руководством греко-римских педофилов, тысячи фотографируются с букетами между ног. Тем более она так не поступает, я это придумал. Если она настаивает, я могу поменять тюльпаны на лилии. Белые лилии даже привнесут в текст новую символику.

– Ничего тут поменять нельзя! – вскрикнула она. – Всё примерно так и было! Ты догадался!

Вот так поворот. Несмотря на разочарование, я был польщён. Да, она упрекала меня в коварстве, в пошлости, отказывала мне в таланте, но всё это перекрывалось тем, что я догадался. Сочиняя жизнь персонажа, имея на руках один яркий, вырванный из монолитного бытия факт, я правдоподобно достроил всё остальное. Будто исследователь погибшего человечества восстановил наш физический и психологический портрет по обломку смесителя для кухни и ворсинкам ёршика.

– Хочешь, я поменяю название станции метро, поменяю всю географию?

– Я запрещаю тебе использовать мою жизнь!

– Давай изменю возраст, сделаю другие типажи?

– Запрещаю!

– Вместо мужчины сделаю женщину, поменяю их местами, о букете будет мечтать пацан!

– Ты глухой?! Твоя проза похожа на тебя самого: груба и эгоистична! У тебя нет собственных переживаний и чувств, нет собственного опыта жертвы, нет собственных идей, ничего

своего нет, но ты хочешь быть в центре внимания, хочешь раздавать автографы и соблазнять женщин! И вот что я тебе скажу: не смей трахать мою жизнь!

XXX

Это была последняя наша встреча. Точнее, предпоследняя. Она меня бросила. Умора. Освободив меня от обрыдлой необходимости себя улаживать, она обездвигила меня своим запретом. Выходило, что единственное по-настоящему вдохновлявшее меня в ней оказалось под запретом. Наши соития обернулись взаимным насилием, а вдохновение породило ребёнка, которого тут же заковали в железную маску.

Я маялся, будто в осаждённом городе, пребывание в котором становилось всё более губительным, а на единственный путь к свободе боги наложили вето. В роли последних выступили моя совесть, верность слову и прочие химеры, свойственные некоторым москвичам моего поколения с фрагментарными моральными принципами. Совесть, верность слову, моральные принципы.

Ко всему прочему мне написал какой-то тип, представившийся её мужем. Он сообщил, что она ему ВСЁ рассказала. Как я соблазнил её, как обманом и шантажом принудил к связи, как однажды ударил её, после чего она впала в депрессию и спустя некоторое время поделилась с ним. Жаль, было поздно снимать побои, иначе они бы засадили меня надолго. Я представил себе тюрьму, смерть, ненавистных критиков, пьющих морс на моих поминках и зализывающих его барной стойкой.

Я погрузился в чтение. Я читал книжные новинки и в каждой сладостно обнаруживал изъяны. Источая злобу, я брюзжал, что теперь всем интересны не настоящие книги, а отчёты об опыте гендерного самоопределения, об опыте пережитого насилия, об опыте благотворительной работы в каком-нибудь захолустье.

Читая отзывы критиков на чужие книги, я посмеивался над их неосведомлённостью: им-то невдомёк, какой у меня есть отличный рассказ, какой замысел. Воображение снабжало забавный рассказ несуществующими достоинствами, отыскивало в нём немыслимые новаторские свойства. Это был уже не рассказ о детской травме и её последствиях, а провидческий трактат, призванный навсегда изменить отечественную и мировую литературу.

Как человек, выдворенный с торжественного бала, я быстро обнаружил причины, почему этот бал недостойн меня. По моему мнению, происходившее и в литературе, и в стране напоминало дурную пародию. Президент копировал то ли советских диктаторов, то ли русского царя позапрошлого века, писатели копировали литературных классиков. Казалось, будто бывшие холопы забрались в покинутую барскую усадьбу, нарядились в истлевшие костюмы и принялись изображать хозяев дома. Сели за стол, расположились в кроватях. Но этого им показалось мало, они вытащили из могил скелеты и усадили подле себя. Смотрите какая у нас преемственность, прах от праха. Они посадили скелеты себе на плечи и принялись с ними совершать священные марши. Каждый выкопал свой скелет и шагает с гордостью.

За окнами стояла гнусная депрессивная погода, она одна радовала меня. Люблю такую погоду с детства – она освобождала от необходимости гулять, дышать свежим воздухом, поз-

воляла не играть в пляжный волейбол, не общаться со сверстниками, не загорать и не совершенствоваться. Всю жизнь я хватался за любой дождик, за любой насморк, чтобы свести к минимуму общение с женщинами и соревнование с мужчинами. Меня точила зависть к здоровякам, которым удавалось увлечься «весёлым и активным времяпрепровождением» или «жизненной целью». Меня не привлекало ни то ни другое, и единственными моими верными союзницами были отвратительная погода и простуда. Причина не в лени, я боюсь людей. От людей никогда не знаешь, чего ждать: люди могут разрушить красивый дом или утопить трёхдневных щенков. В последнее время я какой-то не особо гибкий, от столкновения с людьми по мне могут пойти трещины. К счастью, поводов выходить из дома нет – погода на моей стороне.

XXX

Миновал примерно год, когда я узнал, что она выпустила книгу. Поборов ревность и, чего уж там скрывать, зависть и волнение, я купил новинку и взялся за чтение, которое меня увлекло. Книга была написана в модной манере беллетризованной исповеди и рассказывала об опыте общения героини с писателем, пребывающим в личном и творческом кризисе. Героиня пытается писателя вдохновить, дарит ему своё тело, питает идеями, но безрезультатно. Всё, о чём она мечтает, – букет простых цветов, но и этого пустяка глухой к прекрасному персонаж не способен ей дать. Он извращает подсказанные ею сюжеты, накапливает негатив и совершенно не заботится о её оргазмах. Вырвавшись наконец из его паутины, героиня обретает душевное равновесие, занимается правильным дыханием и женскими практиками. Она прислушивается к своей вагине и приобретает себе букеты самостоятельно. Долой зависимость от мужчин. Финал был оформлен монументально, на одной из последних страниц появляется мраморный памятник ущемлённым женским правам – огромные резиновые перчатки для работы по дому, высеченные из мрамора. Обложку украшало её изображение с содержательным лицом и букетом тюльпанов между колен.

XXX

Презентация должна была состояться в том же магазине, что и моя год назад. Я купил букет цветов с закрытыми бутонами, рачительно рассудив, что цветы с закрытыми бутонами простоят дольше.

Я волновался и пришёл сильно заранее. Чтобы скоротать время, заглянул в кафе.

– Это мне? – спросила официантка, увидев букет.

– Нравится? – спросил я.

– Нравится, – сказала официантка. – Они такие аппетитные.

– Не вздумайте их съесть, – сказал я.

– Обещаю держать свой рот от них подальше, – ответила официантка. – Поставлю их в вазу.

Она унесла букет, а я заказал что-то, что заказывают, когда ничего не хочется. Зелёный чай. Нет, чёрный. Не помню.

Что-то заказал и быстро выпил.

И попросил долить кипятка. А потом понял, что уже пора, и ушёл.

Выйдя из кафе, осознал, что руки пусты – забыл букет.

Букет забыл, а возвращаться неохота.

Позволив себе пойти на поводу у этой странной, но озорной мысли, я отправился в книжный с пустыми руками.

XXX

Холодный свет, как и год назад, напоминает инструмент пытки. Человеческие лица выглядят обескровленными. В конце торгового зала стоит один стул для выступающей и четыре ряда стульев для зрителей. Не сразу получается разглядеть её за спинами пришедших. Все стулья заняты, люди, которым не хватило стульев, стоят полукругом.

Должен отметить, что губы её по-прежнему очень хороши. Слова из её губ вылетают складные, благозвучные и убедительные. Она прошла трудный путь, теперь она принимает себя, прислушивается к себе, стала лучшей версией себя. Она выбрала самосовершенствование и не потерпит никаких преград. Она правильно дышит и гордится своей вагиной.

Её вагина чутка и восприимчива, её вагина готова объять весь мир.

Если бы она была скульптором, она бы изваяла свою вагину из мрамора.

Вагину и все прочие важные предметы, посмотрите, сколько вокруг красоты. А теперь я готова ответить на ваши вопросы, после чего подпишу книги. Обязательно подпишу всем, никого не забуду.

К ней выстраивается очередь, у некоторых в руках букеты тюльпанов.

Она встречается взглядом со мной.

Она узнаёт меня, но не подаёт виду.

Почему-то я этому рад.

XXX

Я иду по тротуарам, пересекаю улицы по пешеходным переходам, стою на ступенях эскалатора, не прислоняясь при этом к движущимся частям эскалатора, обгоняю впереди идущих пассажиров, обгоняю любых пассажиров, хочу обогнать вообще всех пассажиров.

Через час я получаю сообщение. Приезжай, я скучаю. И адрес.

Я приезжаю, она уже пьяная, и какие-то люди рядом. Журналисты, поклонники, из кого обычно состоит сборище после успешной презентации. Она говорит – пойдём гулять. Забираем корзинки с цветами, коробки с цветами и просто букеты в обёртке. Идём. Она говорит, ты единственный близкий мне человек, я написала тебе – ты приехал. Я не могу поверить, что ты приехал. Зачем ты приехал?

Зачем я приехал...

Ты мой самый близкий человек. Ты всегда появляешься, когда мне хуёво. Поехали трахаться, я хочу трахаться, ты же можешь, давай.

Она обхватывает меня, целует меня, проталкивает мне в рот свой язык. Мне трудно сопротивляться – руки заняты цветами.

Зачем я приехал...

Ты мой любовник, ты приехал, потому что ты мой любовник. Выеби меня, ты можешь.

Она залепляет мне рот и нос, совершенно нечем дышать. Никак не могу вспомнить, зачем я приехал.

Отвези меня куда-нибудь, ко мне нельзя, у меня беспорядок. У меня такой беспорядок, всё навалено, что даже нельзя мужчину пригласить. Плюс муж.

Мне смешно. Я смеюсь потому, что чувствую себя женщиной. Чувствую себя женщиной, подвергающейся насилию. Отождествление самого себя с женщиной смешит.

Я смеюсь и сопротивляюсь, я не знаю, зачем я приехал. Я говорю, что не знаю, зачем приехал, говорю, наверное, чтобы таскать её цветы, говорю, что мне пора домой. Прямо как женщина. Это смешит ещё больше.

Цветы обхватываю одной рукой, другой вызываю такси. Одним большим пальцем вызываю. Улицу её знаю, дом не знаю. Водитель найден. Осталось продержаться три минуты.

Ко мне нельзя, муж дома, давай к тебе, у тебя небось бардак, как всегда, одежда раскидана. Поехали к тебе, хочу на полу, среди твоих грязных шмоток.

Розы падают, тюльпаны мнутся.

Подъезжает жёлтая KIA, запикиваю в неё собеседницу, сталкиваю вниз с тротуара прямо в кабину. Придерживаю голову, чтобы не ударились, как полицейские придерживают арестованным. Откуда-то оттуда она говорит, знаешь, Сашечка, запомни этот день, Сашечка. Запомни этот день, когда ты вёл себя как баба, когда не знал, зачем приехал. Накрываю её цветами, присыпаю цветами, наваливаю поверху цветы, утрамбовываю дверцей.

Я иду по тротуарам, пересекаю улицы по пешеходным переходам. Я подхожу к дому, подхожу к подъезду, прикладываю магнитный ключ к домофону, вхожу в подъезд, поднимаюсь по ступеням к лифту, вызываю лифт, жду лифт, вхожу в лифт, нажимаю кнопку своего этажа, жду, когда двери лифта закроются, жду, когда лифт поднимется на мой этаж, выхожу из лифта.

Я сразу понимаю, что квартира изменилась – в ней нет ни одного привычного предмета, повсюду монументальные изваяния. Книжный шкаф, письменный стол, разложенный диван с откинутым одеялом, занавеси на окнах – всё превратилось в памятники самим себе. Мраморная куртка висит на мраморной вешалке, мраморная крышка мраморного ноута откинута, мраморная крышка мраморного унитаза захлопнута. Особенно скульптору удался холодильник *Stinol* и смеситель *Kaizer*, а проработка висящих на крючках штопора, половника и ёршика для мытья бутылок, банок, ваз и всего, где не достанет рука, проработка восхищает. Повсюду царит совершенство, мягкие переливы света и холодный камень.

Зачем я приехал... Ну, конечно. Я хочу яблоко. Позавчера я купил яблоки, называются «Сезонные».

Я подхожу к мраморному холодильнику, протягиваю руку к мраморной дверце и вижу, что рука тоже мраморная.

И рука, и всё остальное.

Я застываю – зачем мне яблоки, если я весь из камня.

Тонкая тень над верхней губой

Хотела бы умереть, умерла, но не в окно же прыгать. Только отобьёшь себе всё и никаких гарантий, могут ведь и спасти, ползай потом инвалидом.

Резала себя, но не насмерть. А что? Попробуйте, нанесите урон себе любимому. Такое не каждому дано. И вообще, резать насмерть как-то истерично, а понемногу прикольно – разрежешь и смотришь, как течёт, любишься. Я тоже себя резал.

Мы познакомились на концерте. В нулевые было много концертов. Сейчас, наверное, тоже много, просто, если сказать ей сейчас про концерт, она рассмеётся, как если бы первокурсник предложил ей выйти за него замуж.

В тот день выступала её группа. Ударник, басист, она солистка. Не то что бы она как-то особенно пела, просто в нулевые было много концертов. Короче, у группы на сцене саундчек, а мы с ней столкнулись в коридоре. Встретились глазами, что называется. В темноте и сигаретном дыму. Тогда ещё можно было курить внутри. Я был похож на Кобейна и Христа одновременно. Особенно в тёмном коридоре. Безопасная, располагающая внешность.

У неё саундчек, а мы целуемся. Вспышка страсти. У меня кровь потекла из левой ноздри. Движение внутри и сразу снаружи, на верхней губе. На моей губе и на её. Первый поцелуй и сразу такое. В то утро я ширнулся.

Когда её отец спросил, чем я занимаюсь, она ответила, музыкой. Отец хорош, десять лет до неё не было дела, а теперь – «чем он занимается?». То есть я. Она, кстати, сама не знала, чем я занимаюсь. Точнее, знала, что ничем.

Я умел интересно говорить. Не рассказывать истории, а именно говорить. Рассуждать. Сейчас, конечно, всё воспринимается иначе. Пересматривая сейчас съёмки наших тогдашних разговоров, она считает, что я говорил глупости. Не прямо уж глупости-глупости, но немного околесицу. Зато с апломбом. По кадрам видно, что все её подружки и она сама, короче, все девушки слушали меня увлечённо.

Она очень быстро начала меня снимать. Тогда все занимались всем, любой новый девайс порождал толпы юзеров, фотоаппараты, способные делать видео, выявили кучу операторов, режиссёров и фотографов. Она пока не знала, кто она, оператор, режиссёр или фотограф, и начала меня снимать, потому что давно хотела снимать, но не знала что. А встретив меня, поняла, что снимать надо то, что ей нравится больше всего.

Я не только увлекательно говорил, но и эффектно употреблял. Любой процесс в руках опытного мастера завораживает, а я не просто употреблял, я старался делать это с выдумкой, артистично. Кобейн тире Христос нагревает полную чайную ложку на зажигалке, Кобейн тире Христос затягивает жгут, Кобейн тире Христос набирает шприц.

Она не призывала завязать. Она и сама баловалась, разве что внутривенных избегала. Так и я не злоупотреблял. Употреблял, но не злоупотреблял. Часто вообще ради неё, ради красивого кадра. Иногда в качестве антидепрессанта. Ну а что? Полгода зима, витамина Д нет,

социальные лифты не едут, могу я позволить себе расслабиться? Раз в декаду-то можно? Раз в декаду инъекция, а в остальное время таблетки, порошки, летучие запахи, крепкие напитки.

Она снимала меня ежечасно, особого труда не требовалось, мы съехались. Она боялась за меня, вдруг однажды я не проснусь? Поэтому снимала безостановочно. Пока снимает, я живу. Ну и про запас тоже снимала. Отец снял ей квартиру – как у меня смешно повторяется слово «снимать». Короче, отец снял квартиру и сказал, что дети его интересуют, когда выросли, потому что с выросшими детьми можно поговорить. Пусть она не обижается, что он оставил их с матерью, просто с ней ещё нельзя было ни о чём поговорить, а с её матерью говорить было уже не о чем. А теперь вот, двушка с ремонтом, кухня и гостиная на набережную, спальня во двор. Отец передал ключи, сказал, что оплату берёт на себя и уехал – дела.

Перебрались к ней, я немного волновался из-за появившегося социального неравенства, употреблял чаще и толкал длинные прогоны. Она снимала. Отец спросил, сколько «музыкант» (в смысле, я) зарабатываю, и выделил ей ежемесячное содержание. У неё была уважительная причина – она не работала, потому что поступила в киношколу на документалистику. На первом занятии обсуждали нравственную дилемму: если видишь утопающего, что делать – снимать, как он тонет, или бросать камеру и спешить на помощь?

Умереть ей хотелось уже не так регулярно, появился смысл жизни: во-первых, я, Кобейн тире Христос, во-вторых, кино, учёба, творчество. Мы подолгу говорили, я выслушивал её жалобы на отца: отец оставил, отец не заступался, отец не звонил месяцами, пока мать надоела нытьём. Я говорил, что у неё талант, что она нашла себя, теперь только пусть снимает, жизнь – самый интересный сюжет, а я подыграю, давай только сходим, отыщем закладку, заодно подсняешь, как я по району шарюсь.

На каникулах отец со своей новой женой и двойней мелких улетел на Варадеро и оставил ей ключ от своего дома. Позвали друзей, устроили двухнедельную вечеринку. Я нырял в бассейн, она снимала. Было жарко, объектив запотевал, ничего не разглядишь, только марево, вопли и смутные очертания худого тела в мокрых облипающих семейных трусах. Розовая кожа, белые волоски, шишки на локтевых сгибах. Хочешь потрогать? На, потрогай.

Отец вернулся раньше оговорённой даты. Или она сама перепутала. Хз. На полу непонятные гости, засохшая рвота, шприцы. Молодая жена истерит, близнецы ревут, жёсткая побудка, шатающиеся тени, изъятие ключей от двушки на набережной, переехали ко мне.

Что значит «ко мне» – к моей матери в Бутово. Сталинский расстрельный полигон, спальный район, в котором хочется застрелиться. Мать живёт не одна, мать живёт с младшим. Арочка на кухню, плиточка в ванной. Гжельская посуда на полочках, сувенирные колокольчики на верёвочках, на холодильнике магнитики, на стеночке иконочки. Мать Христа тире Кобейна, моя родная мамаша, домовитая бабёха-альбинос, белый пушок, висячий хохляцкий нос. На голове норковая шапка с блестящей блямбой. У младшего тоже висячий нос и белый пух. Младший меня когда-то и посадил. Ха-ха.

Живём в комнате, убираемся, покупаем продукты. Она устроилась монтажёром, я дома играю в приставку. Мать спрашивает, когда найдёшь работу, отвечаю, что слишком неординарен для сотрудников отделов кадров – они меня постоянно увольняют. Мать говорит, что переселит меня на коврик под дверь, впрочем, не переселяет.

Мы женимся. На её белом платье нарисовано кровавое пятно, на моей белой рубашке ничего не нарисовано. Она была счастлива, а я как бы немного стеснялся. Свидетелем у нас был гигантский Пикачу. Это моя идея, приволок синтетического монстра в загс, продемонстрировал нестандартное мышление. Её однокурсница-операторка снимала. Она же отстригла мои длинные пряди. Я сам попросил: новый семейный статус – новая стрижка. Пора взрослеть, проститься с образом Кобейна тире Христа. Отец растрогался – вернул ежемесячное содержание. Младшего среди гостей не было – посадили за распространение.

Она продолжала меня снимать, я зачастил – кололся уже не раз в декаду, а раз в три дня, потом через день, потом утром и вечером. Материала с наркоманской фактурой у неё уже было завались. Все эти кипящие на огне мамины ложечки, стянутые зубами жгуты и «работающие» кулаки. Шишки на локтевых сгибах приобрели отталкивающий вид. Та самая операторка с курса нашла интересного современного художника, инсталляции, перформансы, раскованный, язык подвешен, симпатия, новая фактура.

Она стала реже появляться в Бутове. Мать регулярно кивала на коврик под дверью. На улице чёрный снег и жёлтая вода. Витамин Д на нуле. Пикачу стоит в углу. Отнёс в ломбард сначала приставку, потом ноут, который мать подарила на свадьбу. Как ты мог? Это мой свадебный подарок!

Первый передоз, реанимация, клиническая смерть, выкарабкался. Помню, сидел в семейных трусах на лестнице возле мусоропровода, курил. А лицо как у семидесятилетнего. Мать опять недовольна, за что ты со мной так? А помнишь, мама, как отец умер? Ты тогда челночила, в Турции была, за шубами ездила или за чем там? А меня с отцом оставила, алкоголиком. И отец, конечно, забухал и грохнулся вон тут в коридоре, а мне семь лет, а младшему четыре. Я звонил «ноль три», но мне никто не верил. В скорой думали, дети балуются. Потом, когда я к соседям побежал, всё-таки приехали. Но уже поздно было. А может, сразу поздно было, когда он свалился. Может, он сразу умер, а я зря волновался, можно было никуда не торопиться, не названивать, спокойно дождаться, когда ты из Турции со своими шубами приедешь. Прикинь, мама, возвращаешься ты вся такая нарядная, с загаром и сумками, вся расслабленная такая, разомлевшая после турков, а мы с мелким тебя поджидаем с трупом папаши. Вот, сберегли, ничего не трогали, только пыль протирали.

Она меня навестила, привезла банку витамина Д в капсулах (ежедневно по одной во время еды) и пять апельсинов в сетке. Забрала вещи и съехала. Надо пожить отдельно, взять паузу, чтобы сохранить отношения. Ей было куда, отец увидел – дочь образумилась, и снова снял для неё ту самую двушку. Может, он и не прерывал аренду, чуял, долго доченька в Бутово не задержится. Пикачу оставила мне, Пикачу тупил в углу.

Я ей позвонил и сказал, что прыгну с моста. С пешеходного моста рядом с её домом. Я прыгну в реку, а она пусть снимает. Новая фактура, не ширка, не суетливое нащупывание закладок. Я не больной, не зависимый, уже неделю чистый, встаю в девять, убираю свою комнату, записался в спортзал. Прыжок пригодится ей для фильма обо мне, не зря же она столько всего снимала. Прыжок станет драматургической доминантой и выразит мои суицидальные стремления, которые раньше были и у неё тоже, а теперь только у меня. Типа, я забрал её суицид себе. Я же, типа, тире Христос.

Она сказала, что не будет такое снимать. Сказала, это вздорная выходка капризного мальчишки, желающего привлечь внимание. Да, ей было херово, да, я ей тогда помог, но не надо

сейчас ею манипулировать, каждый сам в ответе за свою жизнь, не её вина в том, что она больше не хочет суициднуться, а мне приспичило прыгнуть с моста.

Я договорился с приятелем, отнёс в ломбард телефон и кольцо, арендовал камеру со штативом, взобрался на пешеходный мост рядом с её домом, разделся до чёрных семейных трусов и прыгнул бомбочкой. Упал в воду рядом с опорой, на отмель. Упал спиной. Не очень эффектно получилось. Синяки на всю поясницу. Приятель бросил заготовленную верёвку, помог взобраться на гранитную стену набережной. Непроступная стена, если уж упал в реку, там и оставайся.

Узнав о прыжке, о том, что толкнул телефон и особенно кольцо, она сказала, что теперь нам точно нужна пауза. Уверен, что она этот наш разговор снимала.

Я сильно заторчал. В промежутках названивал ей, ругался и плакал. Она всегда включала камеру. Я знаю, я специально ей звонил, чтобы у неё был материал для завершения. Однажды я набрал её с неизвестного номера, услышав мой голос, она сбросила звонок и почти сразу перезвонила сама. Наверняка она сделала это, чтобы включить камеру. Потом она перестала отвечать. Потом я ломился к ней в дверь. Она вызвала ментов. Меня отправили на принудительное лечение.

Одна больница, другая, каждые три месяца профилактические процедуры в стационаре. Она навещала всегда с камерой. Я шутил, что всё-таки организовал для неё новую фактуру.

Мать тоже навещала, поила травяным отваром на святой воде. Я пил из крышки термоса и вздыхал, «как же я без тебя, мамочка», а она – «типун тебе на язык, я вас всех переживу». В те дни мама прочла мне настоящую проповедь. Всего человек переживает три рождения. Первое мне обеспечила она, мамочка, второе рождение – это Святое Крещение, которое я, балбес, только благодаря ей (мамочке) принял, а третье – смерть. Я задумался, а мать сказала: «Глотай чай, чего застыл, сейчас ушами пойдёт!»

Этот разговор она тоже сняла. Потом мать поехала домой, а мы гуляли по больничному парку. Я говорил, что здесь запрещены гаджеты, даже музыку слушать нельзя. Я сказал, что уже не помню, как звучит музыка. Сказал, что хочу убежать. Она спросила куда. Я сказал, в метро. Сказал, что просрал свою жизнь. Хотел быть хорошим сыном и мужем, хотел быть музыкантом, хотел быть президентом. Но что-то пошло не так. Всё накрылось пиздой. Я перекрестился в сторону часовни и всхлипнул. Она сказала, что я хороший, что нам пора развестись.

В таких случаях разводят без явки второго супруга. Когда меня выписали, я прожил дома неделю. Снова записался в зал и регулярно убирался в комнате. Мать рассказала, что в Гольянове барыги торговали героином прямо с инкассаторского фургона. Мы с ней посмеялись над их находчивостью. Отправили брату посылку на зону, погуляли по парку. На следующий день меня забрали в реанимацию с передозом.

Она названивала каждый час, мать сказала, не надо обрывать телефон, у врачей и без них дел полно, если будут новости, они сами позвонят. Выкарабкается – значит выкарабкается, хотя сколько уже можно карабкаться. Она позвонила последний раз, чисто для съёмки голос больничного оператора записать. Откуда я это знаю? Так всё в её фильме есть, сами посмотрите.

Через полторы недели выписали. Снова выгляжу на семьдесят, снова курю в трусах на лестнице.

Как дела?

Ночью выпал зуб. Смотри. В кулаке сжимаю зуб. Зуб на штифте взял ночью и выпал. Чуть не подавился им во сне.

Зачем ты это сделал?

Потому что это лучший способ – заснул, и всё. Не в окно же прыгать.

Тяжело было?

Просыпаться тяжело.

Я посмотрел на неё, как пишут в старых книжках, с «народной хитрецей» семидесятилетнего Кобейна тире Христа и спросил: «Хочешь попробовать?»

Она пробовать не стала, она закончила фильм про художника, её стали звать на фестивали, дали второй приз, дали специальный приз, взяли интервью. Когда снег в Москве застыл на чёрном асфальте серыми ледяными волдырями, она была на тёплом океане. В один из тех дней я умер во сне.

Она заметалась, переполошилась, взяла обратный билет. Рыдала весь перелёт и пересадку. От чужих взглядов спасал капюшон. На кладбище пригласила операторку, сама бы она с камерой в такой день не справилась. Мать её обняла, потёрлась о её щёку блестящей блямбой на шапке и сказала: «Отмучился».

Могила – чувственная земляная щель в белом теле заметённой земли. Гроб, как ракета, отправляется в суглинистый космос. Ещё один мужчина возвращается в лоно матери. Вместо горсти почвы она бросила на гроб крепкий снежок, из которого всё это время выжимала кулаком капли.

XXX

Прошло некоторое время, требующееся для психологической реабилитации. Она отпустила волосы, отбелила зубы, проколола филлеры по контуру губ. Теперь она красавица с тонкой тенью над верхней припухшей губой. Она терпеливо отсмотрела все отснятые про него материалы, выбрала лучшие фрагменты. Шестьдесят часов семейной жизни. Она взялась за монтаж, собрала последовательную историю, вырезала его слова «хотел быть хорошим сыном и мужем» – звучит как клише. Она смотрела то, что получилось, и понимала, чего-то не хватает, какого-то акцента. Она вспомнила про кадры прыжка с моста. Бессмысленная выходка, разбитая белая спина, мокрые чёрные трусы.

Она позвонила его матери. Как дела? Как здоровье? Младший вернулся с зоны, поумнел, бросил дурь, пьёт натошак святую воду, устроился на работу, купил автомобиль. Кадров никаких не осталось. Ноутбук, который она на свадьбу подарила, он спустил, а диски, дискеты она на помойку отнесла, когда обои в его комнате переклеивала. Если б узнала, что он с моста прыгал, ей-богу, убила бы.

Фильм пришлось показывать так, без прыжка. Приняли хорошо, никто же не знает, что были кадры, которые она отказалась снимать. Приняли тепло, поучительный фильм о вреде наркотиков. Дали второй приз, сфотографировали для журнала. Она сидит перед ноутбуком, отве-

чает на вопросы интервью, экран подсвечивает её красивые губы, над верхней образуется тень. Она гуляет по набережной, смотрит на пешеходный мост, она возвращается в отцовский дом, смотрит на Пикачу. Отец с молодящейся женой и подростками близнецами переехал на Кипр, дом оставил ей. Она теперь хозяйка, у неё в целом порядок, разве что бассейном она не пользуется. Воду спустила, использует бассейн в качестве кладовки. Осушённый бассейн завален барахлом, в том числе и Пикачу вон выглядывает из-под старых курток. Она вставляет в свои белые зубы сигарету, сжимает сигарету своими пышными губами, затягивает в себя дым. Тень над верхней губой дрожит, она затягивается снова, сжимает белые зубы и думает, что в тот день, когда он прыгал с моста, ей надо было идти вместе с ним.

Нас ждёт маковый рулет

Первая фраза решающая. Первая фраза должна быть ударной. Женщина в отражении нахмурилась, рот приоткрыт. От раздумий никакой пользы, только морщины. Каждое утро она старается придумать девиз предстоящего дня – первую фразу. Сегодня ничего не приходит в голову.

Она разглядывает себя. Она себя устраивает, даже нравится. Она себя заводит, она понимает своих мужчин, на их месте она бы тоже на себя запала. Она не выносит мозг, не орёт. Она знает, что с мужчинами не надо быть громкой. Кроме определённых ситуаций. Её тело приятно глазу и на ощупь. Её тело не угловато и не слишком округло. Её тело отзывчиво. Её тело готово к употреблению.

Она ходит по квартире раздетой и не закрывает дверь в совмещённый санузел. Она наслаждается тем, что можно и пёрнуть, и засмеяться. Неужели столь прелестная особа способна производить подобные звуки? Обычно к такому склонны мужчины. В чём-то она абсолютный мужчина. Мужчины любят её и за это.

У неё нет физических недостатков, разве что руки и ноги холодные. Но этому есть объяснение: она прямо сейчас стоит босая на кафельном полу без подогрева, а в руке у неё стакан с тонизирующим напитком. Она всегда смешивает себе тонизирующий напиток по утрам. Напиток получается золотистый, под цвет глаз.

Маникюр у неё ещё свежий, на укладку записалась. Ставит стакан, сжимает ладонями груди, ойкает от прикосновения своих же холодных и влажных из-за стакана пальцев. Поднимает груди вместе, затем по очереди и быстро туда-сюда, как бы жонглирует ими. Смеётся.

Если бы она жила с мужиком, в холодильнике была бы колбаса, сосиски, пельмени, водка, пиво, вот это вот всё. Когда живёшь с мужиком, трудно поддерживать форму. Она ест мало, в холодильнике пакет салата (забыла название), помидоры розовые, замоченная с вечера зелёная гречка. Она не морит себя в зале, а тело как у выпускницы.

Она не монахиня, конечно. Поклонников хватает, и некоторым она дарит свою благосклонность. Она рациональна, если видит перспективу удовольствия, не отказывается.

Она заранее сняла платье с вешалки и положила на кровать. Как будто женщина улетила невесомым дымком, а платье осталось на одеяле.

Она продевает ноги в трусы, груди вкладывает в лифчик. Застёгивает, расправляет. Она берёт платье за ляжки, собирает ткань, заныривает.

Она смотрит на тачскрин – непрочитанные сообщения, неотвеченные звонки. Вчера отключила звук и забыла. Теперь он волнуется: такси ждёт, а она как в танке.

Прости, дорогой, допоздна писала корпоративные тексты, спускаюсь.

Она хмурится, она не любит, когда её тревожат. Она выходит из квартиры, запирает дверь, вызывает лифт, тряхнув головой, возвращается к двери, дёргает, чертыхается одними

губами, роется в сумочке, отыскивает ключ, спешит в спальню, в сов-мещённый санузел, на кухню, в гостиную, стол, рабочая поверхность, подоконник, пол, коврик для йоги...

Телефон найден, торопится, запирает, лифт, двери открываются, двери закрываются.

Довольная, принимает позу перед зеркалом. Селфи в лифте, почему бы нет. Выбрав хороший ракурс, собирается щёлкнуть, но экран вспыхивает чужим дозвоном. Сбрасывает звонок, она не любит нетерпеливых.

Лифт медлит, освещение тускнеет. Балда, забыла нажать кнопку. Нажимает, возвращается к отражению, улыбается своей красоте.

XXX

Парикмахер нагибает её голову к умывальнику. Ей это нравится, она любит умеренное контролируемое проявление власти в отношении себя. В этом она видит плюсы женской доли. Чужие руки поливают её волосы водой, мылят шампунем, перебирают, массируют, омывают, вытирают. Чужие руки направляют на неё струю горячего воздуха, расчёсывают под струёй горячего воздуха, придают форму расчёской со струёй горячего воздуха. Её лицо в домике – причёска надёжно обрамляет его. Её лицо – скворечник: откроешь рот, вылетит птичка.

Очередное вызванное для неё такси доставляет её к старинному особнячку. Кукольное богатство. Он поджидает. Ходит туда-сюда по тротуару.

Они знакомы с весны, но переспали совсем недавно. Он очень вдумчивый и добросовестный, самостоятельно выучил мёртвый язык одного малого народа, в постель позвал только после того, как развёлся. Получилось, специально развёлся, чтобы с ней переспать. Её это, пожалуй, тронуло. А на той неделе торт прислал. Она не знала, куда этот торт сбегать, но всё равно приятно. Он постоянно вызывает для неё такси, сегодня уже дважды вызвал. То ли заботится, то ли контролирует её перемещения. Сам ждёт на тротуаре с букетом.

Он открывает дверцу и подаёт руку. Поцелуй. Приветственный поцелуй переходит во что-то большее. Впрочем, без перегибов. Букет предназначен ей, а не хозяйке кукольного особнячка. На ровном месте того и гляди возникнет казус – их двоих пригласили в гости, при них букет, но они планируют забрать его с собой.

Пока он жмёт на кнопку звонка, она затягивается электронной сигаретой с ароматом манго. Жадно затягивается, будто школьница прикладывается к винной бутылке перед клубом.

Дверь особняка приоткрывается, высовывается голова. Это обыкновенная среднерусская голова с волосами полунатурального светлого цвета. Если обладательницу головы спросить, какой у её волос изначальный цвет, она затруднится ответить. Голова приглашает зайти внутрь и открывает тяжёлую дверь шире. Тело у головы женское, белый верх, чёрный низ. Это служанка. Внутри гостей встречают мрамор, чугун, латунь, массив дуба, позолота. Никакой пластмассы. Радужные хозяйка, как и принято в таких случаях, стоят у лестницы. Розовощёкие, сытые. Не в том смысле, что они поели заранее, перед приходом гостей, чтобы не набрасываться на блюда, хотя она успела перекусить на кухне и он что-то стащил из холодильника, а в том смысле, что видно – они регулярно хорошо питаются и никогда, по крайней мере давно, не знали недостатка в чём-либо.

Год назад или около того жена была в отъезде, и хозяин особняка пригласил её сюда на обед. С его женой она тогда знакома не была, поэтому никаких угрызений не испытывала, почему бы не пообедать? Служанку он отослал, сам высовывался из двери, сам повёл в гостиную. Гостиную, расположенную не в парадной, а в жилой половине. Пока она курила, он облачился в передник и принялся стряпать. Ей часто попадаются мужчины, склонные к готовке. Она списывает это на свою стройность, даже худобу, глаза и рот кажутся большими – мужчинам хочется её накормить.

В тот день он запекал крупную рыбину, обмазывал, посыпал, обкладывал, фаршировал. Завидное усердие проявил. В результате комнаты с картинами изрядно пропахли. Она смотрела на современное искусство, абстракции, минимализм, гиперреализм и думала, сохраняют ли картины запахи? Со стороны вроде всё такое концептуальное, всё такое разное, а принимаешься – рыба. Она представила, как ценители с тонким обонянием обнюхивают холсты дрожащими ноздрями, втягивают запахи и вместе с запахами в них, как на жёсткие диски, загружается информация обо всём, что происходило поблизости от этой картины, полная база событий, сохранённая запахом.

Пока рыба томилась, запертая в трёхсотградусной камере, хозяин снял фартук, бросил его на спинку стула и принялся окутывать гостью низким голосом, подсаживался к ней на диван, надвигался, как бы непроизвольно хватался, смотрел глазами, полными неги и оливкового масла первого холодного отжима.

Конец этому положил таймер духовки *Miele*. Первое треньканье распалившийся кулинар, достигший температуры запекающейся рыбины, проигнорировал, и гостье пришлось от него упомянутой рыбиной буквально отбиваться. Не самой рыбиной, но аргументами, что негоже шефу закрывать глаза на факт, что блюдо, древний символ Христа, между прочим, пора вытаскивать.

Она ела с аппетитом, он ковырялся вилкой. Она попросила добавки, он едва коснулся своей порции. За кофе он предпринял вторую попытку, которую она встретила возгласом, что на полный желудок не может, да и кофе можно расплескать. Отвергнутый, он налёг на *Martel*, что-то бормотал, цитировал какие-то рифмы на родном языке, нёс околесицу, которая способна распалить разве что цепкую особу, нацеленную на переезд в кукольный особнячок, но не её. Потом он преследовал её по комнатам, поставил пластинку какого-то немца – на конверте был готический шрифт, она уворачивалась, про себя отметив, что склонность некоторых мужчин собирать винил после сорока кажется ей душной. Под конец он и вовсе оказался на коленях. Сначала опустился на одно, как сторонник *BLM*, потом на оба и как-то так пополз, словно инвалид или грешник. Или пленный. Захотелось оттолкнуть его сапогом со словами: «Нет тебе пощады, проклятый фашист». Впрочем, ему бы, скорее всего, это очень понравилось, поэтому пришлось банально отцеплять от себя его пальцы.

– Покажите мне картины, иначе я уйду.

Оперевшись на ручку кресла, он принял обычное человеческое положение и, почёсывая щёки, чтобы хоть как-то прикрыть пылающее лицо, повёл её вдоль стен, комментируя те самые пропахшие рыбой картины современных художников. Ни одного имени она не запомнила.

Позже она побывала здесь ещё раз, уже при жене. Та устроила смотрины мужниной знакомой. Любовницы из неё не вышло, ну хоть подругой семьи. Жена улыбалась, на прекрасном русском языке нахваливала общительность супруга: кого он только ни отыщет, кого только ни притащит в их кукольный особнячок, вон современных художников сколько по стенам разве-

шено, ни одного запомнить невозможно. Кулинарит, опять же. Предпочитает дары моря. Вот что значит жизнь вдали от дома, от альпийских лугов и сочных шницелей. Жена посмотрела на них обоих выразительно. Дары моря, говорят, помогают при сосудах и бодрят, афродизиак, ну вы понимаете, мы же не молодеем. Не успел он снова расчесать себе лицо, как оно стало совершенно пунцовым. В этот, третий раз её позвали со спутником в качестве молодых друзей семьи.

Были приглашены ещё две пары: толстый коллекционер со стройной женой и лысый художник с женой в парике. Все уже собрались, ждали только их. Служанка чутко освободила её от букета, статус которого в сумятице встречи остался неопределённым, все друг с другом торопливо перезнакомились, тотчас забыли имена друг друга и направились к столу.

Расположившись, все принялись говорить о еде. Блюда ещё не подали, но говорить о еде было легко: подле карточек с именами лежали шпаргалки – карточки со списком блюд, которые предстояло отведать. Она прочитала, сразу забыла и перечитала.

Служанка принесла заливное с лисичками. Хозяйка сказала, что это сезонное блюдо, их дань русским природным циклам, а хозяин добавил, что раньше они часто собирали грибы. Эти слова были встречены улыбками, словами «да, грибы – это хорошо», сказанными толстым коллекционером, и «грибы – это отдельный, непознанный мир», сказанными лысым художником. Воспоминания о совместных экспедициях за грибами, начатые хозяином, не нашли поддержки у хозяйки, возникла заминка, намекающая на давнее отчуждение между супругами, пропасть, наподобие альпийской, начала расширяться, но тут специалист по мёртвому языку сообщил, что заливное похоже на мозг.

– Форма как полушария, а лисички как извилины. Русский мозг.

Все немножечко удивились, а потом толстый коллекционер рассмеялся громким женским смехом и сказал, что это очень смешное и точное наблюдение. Остальные заулыбались и принялись заливное-мозг поедать, хозяйка прямо налегла, будто хотела таким образом проникнуть в тайну русской души, только жена художника ела мало и неохотно, но это не из-за анатомического сходства закуски, просто аллергия.

Следом за мозгообразным заливным был подан салат из зелёных листьев, жёлтых орехов, алых томатов и чёрного соуса. Не успели едоки взяться за вторые с краю приборы, как специалист по мёртвому языку поделился, что чёрные брызги соуса навевают мысли о бесе, которого повар выдал прямо в салат, как лимон выдавливают.

Коллекционер рассмеялся женским смехом, хозяйка предположила, что это всего лишь шоколад пополам с соей, хозяин посмотрел на специалиста по мёртвому языку, как будто тот позволил себе расистскую шутку, стройная жена коллекционера сказала, что чёрные брызги в салате напоминают ей брызги вон на той картине, лысый художник скривил губы, взял из своей тарелки салатный лист прямо пальцами и слизал соус, его жена поправила парик.

Отпив вина, она посмотрела на своего спутника, специалиста по мёртвому языку, и подумала, что раньше не обращала внимания на его оригинальный ассоциативный ряд. Она подумала, что ей тоже надо предложить тему, пока не подали утку, запечённую со спаржей и сливочным соусом. Кто знает, какой образ посетит её спутника на этот раз.

И она сказала первое, что пришло на ум.

– А что вы думаете про женщину, которая сожгла себя утром?

XXX

Если описывать реакцию каждого из пятерых, то повисшая пауза покажется длинной. На самом деле ничего длинного, просто вдруг стало слышно, как за дверями на кухне звенят тарелки. Все быстро оклемались и заговорили наперебой. Впервые за вечер беседа непритворно оживилась.

Что её подтолкнуло?

У неё есть дети?

Как она могла так поступить, имея детей?

И муж есть?

Кошмар.

Её смерть снята на камеру.

Она сожгла себя, приковав к скамейке перед памятником трём поколениям правоохранителей: городовому, советскому милиционеру и современному полицейскому. По замыслу скульптора Сергея Клещёва, памятник отражает преемственность поколений. На открытии памятника начальник ГУ МВД России по Нижегородской области генерал-лейтенант Иван Шаев заявил, что скульптурная композиция может стать объектом культурного наследия столицы Приволжья.

XXX

Служанка подала утку. К утке служанка предложила кьянти, и все согласились – кьянти хорошо с птицей, только она продолжила пить грюнер, от кьянти её клонит в сон.

Было ли ей больно? Конечно, было. Непереносимая боль.

Температура, как в духовке, в которой пекли утку, – двести или выше? Конечно, выше.

Стройная жена коллекционера отыскала видеосъёмку с места событий, передала телефон соседу – специалисту по мёртвому языку. Он заглянул в экран, как в гроб, и передал хозяйке, хозяйка взяла двумя пальцами и, не глядя, передала перегнувшемуся через утку коллекционеру, тот посмотрел, покачал головой удручённо и передал ей, она почему-то спрятала руки, просто села на собственные ладони, как будто испугалась, что позже произойдёт расследование, бронзовые правоохранители оттают от жара живого факела, встанут со своей мемориальной скамейки, инициируют расследование, соберут улики, найдут этот телефон, снимут отпечатки и обвинят во всём её. Лысый художник облизал пальцы, взял телефон, ткнул в треугольник, посмотрел внимательно до конца, его жена в парике отвела локон, посмотрела через плечо, хозяин дома сказал, что уже видел.

– На ней синтетический плащ? – спросила жена художника, жуя утку.

– Чем она себя облила? – спросила хозяйка так, как если бы интересовалась, какой приправой посыпано блюдо.

– Лампадное масло не коптит, я его всегда покупаю для керосиновой лампы, если мероприятие тематическое, – сказала стройная жена толстого коллекционера.

XXX

Интересно, как воняет горящий синтетический плащ?

Противно воняет?

Коптит?

– Что чувствуешь, когда горят волосы? – спросил хозяин.

– Я сожгла прядь волос одноклассницы, – сказала жена художника. – Омерзительный запах.

Жена художника тронула свой парик.

– Летом я жарил шашлык и у меня загорелся рукав, – сказал коллекционер.

– А у него однажды расплавился контейнер в микроволновке, – сказала жена хозяина про хозяина. – Он до сих пор не знает, в каких контейнерах можно подогревать еду, а в каких нет.

– Настоящий кулинар не обязан разбираться в микроволновках, – сказал хозяин.

– Очень жаль прохожего, который бросился её тушить, а она его оттолкнула, – сказал специалист по мёртвому языку. – Каково теперь прохожему?

– Не подумала ни о детях, ни о муже, ни о прохожем, – сказала жена коллекционера.

На видео нет звука. Она кричала? Что она кричала? Каково это, когда твой плащ сплавляется с твоей кожей и мясом? Она оделась в лучшее? Она оделась в горючее? Она оделась в то, что не жалко? Указаны ли на одёжных бирках данные о горючести вещи? Про условия стирки написано, про состав ткани написано, об уровне горючести ничего. А зря. Если самосожжения войдут в моду, людям захочется уйти ярко, захочется облачиться не абы во что. Пусть будут красивые наряды, которые смогут пылать разноцветным пламенем, пылать, отбрасывая замысловатые искры наподобие салюта. Её так забирает эта мысль, что она принимается оттягивать своё платье под мышками и сворачивать голову, чтобы разглядеть бирку. Она не уверена, что бирка вообще существует, но если да, то очень интересно. Она никак не может разглядеть бирку, она просит специалиста по мёртвому языку заглянуть к ней под платье, найти бирку. Она даже встаёт со стула, чтобы ему было удобнее. Специалист по мёртвому языку смущён, но подчиняется. Хозяева и гости тоже, что называется, смущены. Специалист по мёртвому языку ничего не обнаруживает, они снова занимают свои места за столом. Она сообщает, что рядом с мемориальной скамейкой всё быстро почистили, не осталось никаких следов, только чёрное пятнышко на мостовой.

Все пришли к выводу, что не дай бог, что очень жалко, что нельзя находиться в горючей одежде вблизи открытого огня. А женщина явно была не в себе. Возможно даже, нельзя, конечно, так говорить, но возможно, так лучше для всех. А если бы она подожгла детский сад или дом престарелых? Или музей изобразительного искусства? У них в Нижнем Новгороде очень красивое здание музея изобразительного искусства. Да, на набережной. Да, купеческий особняк на высоком берегу Волги. Это дом купца Рукавишников. Знаменитый скульптор Рукавишников его потомок. Хорошо, не знаменитый, но известный. Памятник Достоевскому перед Ленинкой – его работа. Набоков тоже его потомок, не скульптора, а купца, мать Набокова из семьи Рукавишниковых. Этот дом внутри весь голубой. Нет, бирюзовый, цвета *Tiffany*. Какой же это *Tiffany*, обычный голубой цвет, полы паркетные. Всех заставляют надевать тряпочные бахилы на завязочках – полы берегут. Бахилы эти никто не стирает, с них грязь так и сыплется. Как можно вот так взять и поджечь себя? Что, прямо сама себе рукав подожгла или воротник плаща? Видно, как огонь скакнул вверх от груди к шее, словно рыжий котик,

а потом на волосы. Она пристегнула себя к мемориальной лавочке наручниками – вот настоящий портрет женщины в огне. Что же нас всех ждёт?

– Нас ждёт маковый рулет, – её спутник, специалист по мёртвому языку, прочитал десертный пункт в меню.

XXX

Вошли служанки, подали десерт.

– Что это такое? – спросил хозяин. Он водил глазами рядом с собой, как человек привыкший, что его взгляд ловят. Его лицо стало красным.

– Любопытно, – сказал специалист по мёртвому языку.

– Это штрудель, – сказал коллекционер.

– Что здесь происходит? – спросил хозяин и снова поводил глазами, на этот раз диапазон его обзора расширился и в поле зрения угодила одна из служанок.

– Я отвечаю за подачу, сейчас выясню на кухне, – сказала старшая служанка и скрылась за белой дверью.

– Я приношу глубочайшие извинения, это возмутительно, – сказал хозяин.

– Да, неприятный инцидент, очень неприятный инцидент, – сказала жена хозяина.

– Я чувствую, что должен загладить вину перед вами, – сказал хозяин и поправил вилочку и ножик, лежащие по обеим сторонам тарелки со штруделем. Хозяин встал из-за стола и вышел в соседний зал. Вскоре оттуда донеслись звуки рояля. Лысый художник взял вилочку, отделил от своей порции штруделя изрядный кусок и отправил в рот. Специалист по мёртвому языку последовал его примеру. Все принялись за штрудель.

XXX

На прощанье сделали групповую фотографию на фоне абстракции с чёрными брызгами. Коллекционер вспомнил слова про беса, выдавленного в салат, и снова засмеялся. Он смеялся так заливисто и увлечённо, постоянно двигал головой и толкался локтями, что служанке, которая так и не объяснила фатальную путаницу с десертом, пришлось долго жать на красный кружок, чтобы из длинной череды фотографий можно было выбрать хотя бы одну не смазанную.

Когда специалист по мёртвому языку проводил её до квартиры, они оба вспомнили, что забыли букет в особнячке. Это к лучшему – пусть хозяйка думает, что букет изначально планировался ей. Она поблагодарила его за остроумную беседу и сказала, что мечтает об одном – поскорее уснуть. Он её поцеловал, и дверцы лифта захлопнулись над ним. Она облизала губы – вкус жареной утки оказался стойким.

В квартире она не зажигает свет, подходит к кровати, падает на кровать.

С полок смотрят белки кукольных глаз. В спальне много кукол. Она лежит на кровати так же, как утром лежало платье. Платье лежало поперёк кровати. Платье лежит поперёк кровати, только теперь оно наполнено ею. Платье наполнено ею до поры до времени. Пока она не улетучилась невесомым дымком, не превратилась в чёрное пятнышко под скамейкой на мостовой.

Отчётливое желание

Ночные облака провисают между кипарисами, как перина между ножками кровати.
Они приехали ночью, когда небесный бог дрых.

Она отперла своим ключом. Кружилась, говорила таинственным голосом, как на детском утреннике, вела себя точно актриса из чеховской постановки. Она и есть актриса. И места чеховские – Ялта.

У них отношения.

Она кружится, позволяет себя сопровождать, недавно выложила селфи из постели – в углу его локоть.

От подписчиков вал повторов одного вопроса: кто счастливец?

Локоть в углу кадра – серьёзный шаг с её стороны, почти помолвка.

Локтя в инста-углу ей мало, взяла с собой, приоткрыла границы, впустила в личное пространство – своё курортное убежище. Подушки в мерцающих блёстках, зеркала в тусклых рамах, вид на море, вид на гору, белоснежная варочная панель.

Включили полы, в холодильнике вино с прошлого раза. Не местное, итальянское, регион Венето. Она сыпанула льда себе в бокал. Заломила резиновую формочку, кубики, звёздочки и сердечки посыпались. Вспомнилась ордынская казнь: пятки к затылку верёвкой.

Стекло о губы, ледяные глотки, ледовый перехруст.

Нет звука слаще.

Кажется, это уже где-то было.

Ночь не кончается, она ставит всё новую музыку и говорит, говорит, говорит. Трещит без умолку. Щебечет. Он слушает, не бросаться же на неё.

Час поздний, пора спать, постелю вам на диване.

Что-то он не так сделал. Совершил оплошность. Теперь не может понять, что смешнее: это её «вы» или ссылка на диван.

Он порывается помочь. Она отстраняет – я сама. Вдевает, расправляет, разглаживает, готово.

«Спасибо, Анастасия Павловна». Он решил соответствовать. «Желаю вам доброй ночи».

Лицо её омрачается, она бросает свои длинные тонкие, но грубоватые руки куда-то вниз. «Неужели вы так и не поцелуете меня?!»

В её голосе дребезжит то, что виноторговцы называют нотками. Нотки смородины, нотки... ну я не знаю. В её голосе дребезжат нотки рыданий. Она унижена, обижена, сломлена, растоптана. Это сделал он.

Касается её плеча. Она не в силах смотреть в его сторону – оскорбление слишком жестоко. Аккуратно целует её щёку рядом с её же ртом. Волнуется, дни выдались загруженные, перелёт, путешествие, недосып, что, если не встанет?

Она тем временем не отстраняется. Возникает недосказанность. Он аккуратно касается её подбородка. Это едва заметное прикосновение подчиняет её (или срабатывает стереотип), и следующий его поцелуй приходится точно в центр её приоткрытых губ.

XXX

Его будит яркий свет. Это солнце. Точнее, она: раздвинуть шторы её идея. Она передвигается прыжками. Достаточно мягкими прыжками.

Пакистанский ковёр.

Прыг.

Итальянская керамическая плитка.

Прыг.

Коврик для йоги. Прыг и чуть не бабах – коврик скользнул по итальянскому полу.

Хватит спать, у нас столько планов!

Пока он жмурится и ворочается, она выкладывает свежее селфи. Улыбка её ослепительна, глаза, как это говорят – лучатся. У её взгляда несколько режимов, она часто пользуется режимом «лучащиеся глаза».

Разглядывая её через щелки утренних век, он отмечает, что попа плосковата, зато ноги. Плюс волосы, рот, этот лучащийся взгляд. Плюс талант. Он всё решил правильно – сегодня сделает предложение.

А она носится. Время, время, время. В графике ныряние под скалами, затем пешая прогулка по исторической тропе. Программа очень насыщенная, к счастью, ночные удачи компенсируют усталость.

Она успела хлебнуть горячего бодрящего напитка, ему на это времени не остаётся. Идут через парк, торопятся – машина ждёт.

Встречают красивое дерево. Платан. В Москве таких нет. А в Париже есть. В Париже они меньше, а этот гигант. Сфотографируй меня с ним.

Она присматривает точку, выстраивает кадр, получается не очень. Надо с другого ракурса, там свет удачнее. Направляет его мягко, как нерадивого ребёнка. Давай ещё, вот так. Водитель звонит, кадр снова не очень, последняя попытка, вот видишь, а ты волновался.

Она звонко смеётся, целует его, сжимает руку и увлекает за собой. Бегом. Лестница высокая. Старинные ступени в скале. Старинные ступени, которые помнят Чехова. И Толстого. И бог знает кого ещё. Он запыхался.

Южнобережное шоссе летит в бухту. Излом воды в жёлтых скалах. Место, бывшее название шапке активистов и налётчиков. Остальные ныряльщики уже поджидают. Мужчины с боками и грудями, женщины плоские. На их опоздание никто не ропщет, она любимица.

Катер идёт поперёк волны. Мелкие брызги орошают лицо, точно термальная вода из спрея. Капитан показывает магазин «Пуд» на берегу – две тысячи лет назад на его фундаменте стоял храм Юпитера.

Катер прибывает к гротам. С одной скалы свисает пучок старых железных цепей, другая скала покрыта оспинами. Где цепи, там семьдесят лет назад снимали «Человека-амфибию», где оспины – парусные корабли пристреливали пушки. Под цепями на скале ржавые потёки. Железо оплакивает расстрелянную скалу.

Наверху светящееся марево, внизу вода, кишашая медузами. Медузы напоминают импланты женских молочных желез. Ныряльщики раздеваются, мылят тела, заскальзывают в гидрокостюмы. На сухую кожу гидрик не надеть.

Она мылиться не хочет, штанины и рукава на неё натягивают все вместе с хохотом и шутками. Особенно усердствует ныряльщик из местных, крепко берёт за щиколотку, потом за бедро. Упирается и натягивает.

Когда она почти облачилась, её голова застревает в раструбе резинового воротника. Она скулит, тянет воротник вниз, наконец её лицо ко всеобщему восторгу появляется из чёрной кишки. Ныряльщик из местных рассказывает, как примерял свой первый гидрик дома на бабушкином паласе. Тоже застрял лицом в воротнике и чуть не задохнулся. Вот потеха была бы, если бы его нашли мёртвым в полунатянтом гидрике на бабушкином паласе.

Все смеются. Особенно она.

Манжеты прилегают плотно, попа совсем расплющилась, молния тугая. Он не любит слово «тугая», но она тугая.

Ныряльщики задорно вываливаются за борт. Видно, как их экипированные тела перемещаются среди грудных имплантов.

Катер немного болтает. Капитан подруливает, чтобы его – единственного пассажира – не укачало от стояния на месте. Купальная сессия подходит к концу, всё-таки декабрь. Ныряльщики забираются обратно по одному, пыхтят, раздеваются, обтираются. Ныряльщик из местных снова помогает, освежывает её, накидывает ей на плечи полотенце.

Он оттесняет ныряльщика и сам растирает её спортивную спину, загорелые плечи, грубоватые руки, удлинённые ноги и плосковатую попу. Не успев переодеться, прячась за полотенцем так, что мелькает то одно, то другое, она зовёт подняться на гору. Надо непременно подняться на гору. Нельзя быть здесь и не подняться. На горе знаменитые катакомбы, коридоры и бункеры героической артиллерийской батареи. Её голос снова дрожит – павшие воины для неё не пустое место.

На гору поднимаются на машинах (слава богу) и долго бродят по вырубленным в жёлтой скале чёрным коридорам. Она торопится всё осмотреть, ныряльщику из местных знакомы все потайные закоулки.

Отстав, он светит телефоном, водит светлым пятном по стенкам и сводам. Стенки и своды однообразны, даже надписей не содержат. Коридор, камера, коридор, камера, коридор, ответвление, ступени, камера.

Становится тесно и душно. Задохнусь, умру, никто не придёт.

Поводил пятном по углам, увидел лаз и побежал прочь, на свет и воздух.

Дождался её ниже по склону, курил. Она показалась на скале, рядом ныряльщик из местных. Торжествующие силуэты покорителей героического гарнизона. Видно, как она выбрала точку, проинструктировала ныряльщика и принялась позировать. Когда спустилась, взяла его за руку, повела за собой по тропинке. Её рука тянет его руку. Как на модной тури-

стической фотографии. Отправила ему лучезарный взгляд и слова: «Не ревнуй, он ничего не умеет».

Обед. Ресторан. Столы очень основательные, стулья – троны, меню – талмуды. Видно, деньги вложены.

Расположились, заказали. Вместе с официанткой к ним вышел мужчина. Обычный потребитель товаров магазина «Пуд», только одет дорого. И пёстро. Потребитель «Пуда», которому выпал фарт. Обратился прямо к ней. Добрый день, мы знакомы.

Двадцать лет назад она здесь снималась. Дебютная роль, режиссёр использовал её навыки ныряльщицы – нарядил русалкой и бросил в декабрьское море. Как теперь. Только без гидрика. Плюс шторм. Не буря, но швыряло.

Мужчину восприняли как навязчивого поклонника, но слушали внимательно.

Снимали дубль за дублем, режиссёр тоже был дебютант. Точнее, дебютантка. Женская команда. Каскадёр-водолаз лезть в воду отказался, а она продолжала и продолжала. Уже у гри-мёрши пальцы окоченели парик ей поправлять, а эта чумичка ныряет и ныряет. Настойчивая.

Мужчина улыбнулся такой улыбкой, которую можно трактовать очень неприятно.

– Да, я упорная, настырная чумичка! – хохочет она.

– Вы всех нас тогда напугали своей настырностью. Кровотечения у русалок мы ещё не видели. Мы же не знали, что вы в положении, Анастасия Павловна. Если бы знали, я, как врач, вас бы не допустил. Позвольте с вами сфотографироваться, как старые коллеги.

Мужчина подходит ближе, склоняется, приближает своё лицо к её лицу, велит кому-то сфотографировать, позирует. В её глазах лучезарность с едва заметной примесью.

– Жаль, фильм так и не вышел, – сообщает мужчина на прощание и щедро дарит всем скидку в три процента, ведь ресторан принадлежит ему.

XXX

Автомобиль доставляет их двоих к началу исторической тропы. Или к концу, смотря откуда идёшь. Спустившись с обочины по битым камням, обогнув ржавый забор, они ступают на знаменитый пешеходный маршрут.

– Удивительный мужчина, узнал меня, подошёл.

Он что-то бурчит в ответ. Не хочет комментировать. Бойится сорваться и наговорить гадостей про памятливого собеседника, которого считает мразью.

Она пускается в воспоминания. Водолазы отказались погружаться, её, прицепленную к верёвке, трепало в волнах, она реально посинела. Прямо реально. Всей группой отпаивали водкой. И как этот врач всё помнит, я забыла давно.

Он старается не злиться. Говорит, что никакой это не приятный мужчина, а злорадствующая тварь, тычет её в давнюю боль, а сам с ней фоткается. Будет жрать, пить, рыгать и хва-

стать, как эту «чумичку», ну вы её знаете, Анастасия, как её, во всех фильмах сейчас, короче, я её тогда еле в чувства привёл...

Она кричит: «Какая красота!» – и бежит к ближайшему обрыву.

Остановившись за метр от края, она делает ещё полшага, осторожно глядит вниз, раскидывает руки.

Сфотографируй.

Позирует так, так и так. Отправляет ему лучистость и негу, подставляет морю свою плосковатую попу.

Историческая тропа ведёт сквозь заросли, мимо громад старых утёсов, мимо разбитых бетонных указателей, мимо раздробленных бетонных скамеек, мимо бетонных общественных туалетов с вырванными трубами. Охотники за чёрным металлом давно обезжелезили все местные конструкции.

Она говорит не умолкая. Рта не закрывает. Ты знаешь марафон желаний? Сущие копейки, и каждый день новое задание. Помогает понять, чего ты на самом деле хочешь. На семинарах мы создаём мотивационные круги, ищем фатальную ошибку в прошлом. Здесь как в Шотландии. Я гуляла там с Джейсоном, и мы встретили отряд волынщиков. Прекрасные шотландские парни. Все как один похожи на продавца мороженого в Кенгсингтоне. Они ещё и пели. Дудят и поют. Погода такая же. Мы все вместе ныряли голышом, а на обратном пути такса Джейсона убила зайца и у неё случился нервный срыв. Она же декоративная, но инстинкты взяли своё. В ней вдруг проснулся зов крови. И ей стало так плохо, она даже описалась. Пришлось целый час командовать ей «сидеть», «лежать», «к ноге», чтобы вывести из стресса. Сто тридцать два метра над у.м. – это что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.